

(с) нежные
сказки

Наталья Лакота

КАРТ-БЛАНШ
для
СИНЕЙ БОРОДЫ

Наталья Лакота

Карт-Бланш для Синей Бороды

«Автор»

2026

Лакота Н.

Карт-Бланш для Синей Бороды / Н. Лакота — «Автор», 2026

"НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ" Граф де Конмор, по прозвищу Синяя Борода, в очередной раз овдовел и снова решил жениться, а в поисках невесты приехал в наш город. Кто же станет той счастливницей (или той несчастной), которую он выберет? Ведь сам король дал графу карт-бланш на выбор будущей жены, и отказаться от брака совершенно невозможно...

© Лакота Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	51
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталья Лакота

Карт-Бланш для Синей Бороды

Глава 1

Последний месяц уходящего года порадовал первым снегом. Лёгкие, как сахарная пудра, снежинки кружились над Ренном, укрывая белоснежной пеленой мостовые, крыши домов и экипажей, войлочные шапки извозчиков и плечи первых прохожих.

Я была одной из первых этим утром, и по-детски радовалась, что оставляю на нетронutom снежном покрове первую строчку следов. Только начало светать, и жемчужно-серое небо окрасилось на востоке розовым. Морозный воздух приятно бодрил, пощипывая за бока, потому что моя накидка была зимней накидкой лишь снаружи, а подкладка на ней была не меховая, а тканевая. Только знать об этом никому кроме меня не полагалось.

Свернув на главную улицу, я остановилась перед застеклённой лавкой, украшенной гирляндами из еловых веток и веток падуба, которые я повесила вчера. Задрав голову, я полюбовалась на свою работу. Тёмная зелень листьев и хвои, алые ягоды создавали праздничное настроение. И пусть вчера я совсем перестала чувствовать от холода пальцы, сегодня это казалось совсем не важным. Важно, что лавка сладостей господина Джорджино Маффино стала самой красивой на торговой улице.

Я толкнула двери лавки, тонко прозвенел колокольчик, и тысячи умопомрачительных ароматов окружили меня волшебным облаком – ваниль, корица, апельсин, душистый перец и мята. Всё то, что мы добавляли в конфеты, пирожные, торты и кремы. Конечно, король не посылал заказов в наш провинциальный магазинчик, но аристократы на сто миль вокруг покупали сладости постоянно.

– Доброе утро, господин Джордж! – поприветствовала я хозяина лавки – пухлого, как бриошь, низкорослого и деловитого уроженца Бретани, который усиленно выдавал себя за южанина.

– Доброе, Бланш! Если оно и вправду доброе! – проворчал торговец и тут же спохватился: – Не называй меня Джорджем! Сколько раз тебе повторять?

– Прошу прощения, синьор Джорджино Маффино! – засмеялась я, снимая накидку, повязывая белоснежный фартук в оборках и ополаскивая руки под навесным умывальником.

Помедлив, торговец рассмеялся вслед за мной:

– Зубной боли тебе под новый год, насмешница! Всё время надо мной подшучиваешь. Но вот засмеялась – и я всё тебе простил. Почему бы это?

– Потому что вы влюблены в меня без памяти, – ответила я, умильно улыбаясь и хлопая ресницами.

Он опять засмеялся и погрозил мне пальцем, а потом указал на корыто, в котором пузырилось и тяжело дышало сдобное тесто.

Вооружившись деревянной лопаткой, я подбила тесто, а потом занялась приготовлением марципановой массы. Сейчас ещё раннее утро, но скоро горожане проснутся, лавка гостеприимно распахнет двери, и по улице поплывет божественный аромат свежей выпечки и духовитого рома, который добавляется в сладкие ореховые конфеты.

В лавке были ещё две помощницы, но так получилось, что перед самым новым годом одна задумала выходить замуж, а вторая умудрилась заболеть крапивницей, и теперь лежала в городском лазарете, вздыхая об упущенной предпраздничной выручке.

Конечно, господин Маффино надбавил мне заработок в полтора раза, но зато и работать приходилось в четыре раза больше. Сам хозяин тоже трудился не покладая рук. А судя по первым зимним заказам, отдыхать нам точно не придётся.

Я просмотрела записки присланные леди Сюррен, леди Пьюбери, леди Эмильтон и прочими важными особами, решившими променять великолепии праздничной столицы на наш тихий городок, и громко объявила заказ на сегодня:

– Два марципановых торта, булочки с ванильным кремом, рассыпчатые вафли, шоколадные конфеты – горькие и со сливками, ещё два бисквитных торта. Леди Сюррен пишет, что пока не определилась с десертом на новогоднее торжество... Как вы думаете, она опять заставит нас готовить пудинг за сутки?

– Даже если её милость изволит захотеть такую глупость, – ответил Маффино, рассыпая по коробочкам засахаренные орешки и не забыв оглянуться на дверь – не подслушал ли кто-нибудь неуважительных речей о знатной даме, – мы окажемся хитрее. Я уже сделал заготовку для пудингового теста. Даже если её милость захочет пудинг за час до торжества, мы успеем его приготовить.

– Всё-то вы предусмотрели, – похвалила я его, добавляя в ореховую пасту сахар, смолотый в легкую пыль – почти такую же, какая сыпала сегодня с небес.

– Но что-то мне подсказывает, что она затребует марципановый торт, – продолжал хозяин. – Слишком восторженно она хвалила твоё последнее творение. Готовься – ведь придётся выдумывать что-то новое. Барашков ты уже лепила, котят и ангелочков – тоже. На стол её милости потребуется нечто необычное.

– Уже придумала, – успокоила я его. – Это будет огромная ваза из марципана, полная марципановых фруктов – яблоки, груши, виноград...

– Виноград? – переспросил Маффино. – Как ты это сделаешь?

– Слеплю ягоды отдельно и нанижу на настоящую виноградную ветку. Если её сначала хорошенько высушить, а потом смазать яичным белком и обвалить в корице – получится очень ароматно и празднично.

– Отличная выдумка! – восхитился хозяин. – Слушай, Бланш, ты замуж не собираешься? – сказано это было с тревогой, и он подозрительно посмотрел на меня.

– А что такое, господин Маффино, вы хотите сделать мне предложение первым? – снова не удержалась я от шуток.

– Фу ты! – хозяин даже подпрыгнул. – Я простой торговец, а ты – благородная леди! Какое предложение?! Но что мне делать, если завтра какой-нибудь рыцарь умчит тебя в замок на берегу моря? Моя лавка разорится через месяц!

Я опустила глаза, сосредоточившись на замесе марципанового теста, и сказала уже без смеха и кокетства:

– Не беспокойтесь, господин Маффино, замужество мне не грозит. Констанца и Анна еще не пристроены, и неизвестно – найдется ли охотник за их скудным приданным. А уж про благородную леди сказано было слишком громко. Благородная леди, которая занята стряпней в лавке – разве это не насмешка судьбы? Вряд ли кто-то из рыцарей захочет в жёны стряпуху.

В лавке сладостей я работала уже третий год, с тех самых пор, как мне исполнилось шестнадцать. Где-нибудь в столице это могло оказаться неслыханным скандалом – девушка из благородной семьи трудится в лавке, наравне с простолюдинами! Но Ренн славился широкими взглядами на права и правила приличия, и никто не указывал пальцем на меня – младшую дочь безземельного рыцаря, вынужденную работать после смерти отца, чтобы обеспечить приданое старших сестер.

– Не прибедайтесь, – отрезал хозяин, разом успокоившись, – Вы дома не засидитесь. Все знают, что красивее девиц Авердин в нашем городе нет. Найдутся и на вас господа рыцари!

– Красивее... – вздохнула я, пробуя марципан на сладость. – Анна и Констанца – возможно. Вон они какие – белокурые, голубоглазые. Щёки – как маки, губки – как лепестки розы. А я в папочку уродилась – и волосы у меня чёрные, и рот широкий.

– Зато зубки, как очищенный миндаль, и смеёшься ты звонко, – утешил меня хозяин.

– Сомнительная замена приданому.

– Всё, не кисни! – приказал он мне. – Сладости требуют радости. Иначе и конфеты получатся кислыми.

Я не успела ответить, потому что звякнул колокольчик, и мы с хозяином удивлённо оглянулись на дверь. До открытия лавки ещё три часа. Кому бы вздумалось приходить в такую рань?

Вошёл мужчина, закутанный в меховой плащ, и запорошенный снегом, как святой, который в канун праздника разносит детишкам подарки. Капюшон закрывал лицо посетителя, а сам он, по сравнению с коротышкой господином Маффино, показался мне великаном.

– Лавка закрыта, господин мой, – сказал хозяин учтиво. – Вам придётся обождать, а пока нет ни бриошей, ни бисквитов, ни...

– Твоя лавка открыта, иначе я не смог бы войти, – сказал посетитель, и стало ясно, что он не привык встречать отказа нигде – голос был низкий, властный, тягучий, как мёд. – Мне нужны сладости, я заплачу золотом.

Он достал из поясного кошелька золотой и бросил на прилавок. Золотой кружок прокатился до кувшина со сливками, стукнулся об него и зазвенел, закружившись на месте. Мы с господином Маффино смотрели на танец монеты, как заворожённые.

Золотой! Целый золотой!

Три месяца моей работы в лавке!

Хозяин сразу переменился и больше не настаивал, чтобы посетитель уходил. Вытирая руки фартуком, он так и заюлил вокруг мужчины в плаще, а посетитель тем временем сбросил капюшон и встряхнул тяжёлой гривой длинных чёрных волос.

По виду он был сущий дикарь – косматый, нечёсанный, чёрный, как ворон. Только надо лбом виднелась седая прядка. Чёрные усы, черная борода – всё это показалось мне чудовищной неопрятностью. Если разбрасываешься золотом за лакомства, то уж мог бы сходить к цирюльнику и избавиться от растительности на лице. Это некрасиво! Так ходят только варвары!

– Что предпочитаете, мой господин? – спрашивал тем временем Маффино.

Уж его-то не привел в замешательство вид клиента. Если он расплатился золотом, то может быть хоть косматым, хоть горбатым.

– У нас есть замечательные леденцы – из лакрицы, мятные, с добавлением аниса...

– Мне нужно что-нибудь для молодой леди, – перебил его мужчина. – Говорят, ты отлично делаешь шоколадные конфеты.

– Это вы по адресу! – обрадовался Маффино. – Лучшие шоколадные конфеты – только в моей лавке! Скажите, куда доставить, и к обеду...

– Я хочу забрать их сейчас же. Мне некогда ждать.

– Но господин... – в голосе торговца послышалась самая настоящая паника.

До этого я лишь разглядывала гостя через стекло витрины, не вмешиваясь в разговор. Лицо мужчины нельзя было назвать приятным. Резкие черты казались высеченными из камня, а угрюмое выражение ещё более усиливало впечатление варварства, дикости. Не спасали даже столичный выговор и высокий лоб – признак аристократизма. Посетитель был мне незнаком, а ведь я знала всех жителей нашего города. Приезжий. Возможно, из столицы. Богат. Королевский гонец? Гость на праздник леди Пьюбери?

– Шоколадные конфеты очень дороги, господин, – сказала я, не выходя из-за прилавка. – Мы делаем их только на заказ. Чтобы приготовить шоколадные конфеты, потребуется около двух часов. Мы не сможем обслужить вас мгновенно.

Мужчина, до этого смотревший на Маффино, вскинул голову.

Через стекло наши взгляды встретились. Я не разобрала, какого цвета были его глаза, но они показались мне чёрными, как ночь. И такими же холодными. Невольно я вздрогнула, почувствовав не только взгляд незнакомца, но и его тяжёлую, чёрную волю. Он поработал одним лишь своим присутствием. И когда вот сейчас он смотрел на меня, то казался хищником, заприметившим жертву.

– Кто это? – спросил он у Мафино. – Твоя дочь?

– Нет, господин, – заблеял тот, кланяясь и показывая мне кулак за спиной. – Девушка на службе. Прекрасно делает шоколадные конфеты, если ваша милость соизволит подождать полчаса...

– Два часа, – повторила я твердо. – Потому что нам надо поставить в печь бриоши, иначе тесто перестоит.

– Я заплачу за испорченное тесто, – сказал незнакомец, показывая второй золотой, при виде которого у нас с хозяином перехватило дух. – Бросай всё. Через полчаса конфеты должны быть готовы.

Он по-хозяйски сел на скамью у стены и вытянул длинные ноги в тяжёлых сапогах. Сапоги были, между прочим, из лучшей кожи, прошитые двойным швом.

– Конечно, господин! – хозяин кланялся так часто, что оставалось удивляться, как голова у него не отвалилась. – Пока готовятся конфеты, не желаете ли чашечку горячего шоколада? Я в пять минут приготовлю...

– Нет! – сказала я. – Мы не можем погубить столько теста. Губить хлеб грешно, и наши постоянные покупатели привыкли начинать день с горячих бриошей. Наша лавка славится тем, что мы никогда не обманываем клиентов. Два часа, господин, и конфеты будут у вас. Я обещаю сделать их такими, что ваша леди, которой вы хотите сделать столь щедрый подарок, придёт в восторг. И одарит этим восторгом и вас, – последние слова я смягчила улыбкой.

– Бланш! – так и взвился Маффино. – Бриоши подождут!

Но мужчина вдруг хмыкнул и поднялся со скамьи, пряча монету, которую держал в руке.

– Успокойся, – сказал он торговцу. – Она права. А я не настолько тиран, чтобы лишать жителей моего города горячего хлеба. Привезёшь конфеты через два часа вот по этому адресу, – он взял свинцовый карандаш в серебряном футляре, что висел на его поясе, вместе с туго набитым кошельком, и прямо на столешнице размашисто написал адрес доставки.

Писал он, надо сказать, левой рукой. И мне совсем некстати вспомнилось, как госпожа Сплеторе болтала, что все левши – дети дьявола.

Написав адрес, мужчина бросил взгляд в мою сторону – такой же тёмный, непонятный, от которого дрожь шла по телу, и сказал:

– Только смотри, девочка, чтобы конфеты были с восторгом, как и обещала.

Я молча поклонилась в ответ.

Открылась и закрылась дверь, звякнул колокольчик, и мы с Маффино остались в лавке одни. Я вспомнила про тесто, которое уже грозило перевалиться через край, и принялась энергично его подбивать, а хозяин подошёл прочесть адрес.

– Мне показалось, или он и правда назвал Ренн своим городом? – спросила я у господина Маффино.

Ответом мне было странное сипение и пара нечленораздельных звуков.

Испуганно обернувшись, я увидела, что господин Маффино стоит, вцепившись в столешницу, и хрипит, будто у него в горле застряла рыбья кость. Глаза торговца готовы были выскочить из орбит.

– Что с вами? – я бросилась к хозяину и помогла усестись на скамейку, где только что сидел щедрый посетитель.

Маффино ответил мне не сразу.

– Это... это... – еле выговорил он, – это был господин де Конмор!.. Синяя Борода!..

Синяя Борода!.. Я взглянула на столешницу, прочитав адрес: дом графа де Конмор. Ошибки быть не могло – адрес написан чётким, размашистым почерком.

– Может, это не сам граф, – утешила я толстяка. – Может, один из слуг. Вот уж было из-за чего пугаться. Начинайте-ка разделять тесто, а я займусь формами.

– Кто-то из слуг?! – взвизгнул Маффино. – Да ты видела его бороду? Синяя!

– А мне показалось, что чёрная, – пожала я плечами. – В любом случае, это не граф. Граф не может походить на чудовище.

– Он и есть чудовище! – тем не менее, Маффино вскочил и повязал волосы платком, готовясь колдовать над тестом. – Он убил семь своих жён! Если бы не протекция короля, его бы давно казнили!

– Не верю, что король стал бы смотреть на подобные зверства сквозь пальцы, – ответила я беззаботно, выставляя в ряд металлические формочки и смазывая их маслом. – Семь благородных леди просто так не убить. Их родственники устроили бы мятеж. Слышала я эти рассказы – женился ради денег, убил бедняжек... По мне, так всё сплетни. Но даже если это тот самый граф, он ведь не убил меня за отказ делать шоколад немедленно? Значит, и вам бояться нечего.

– Кстати, о шоколаде, – мысли господина Мафино постепенно перетекали в деловое русло. – Ты мне шикарную сделку сорвала, Бланш! Он предлагал два золотых. Любую другую я бы лишил недельного жалования.

– Ах, господин Маффино, – надула я притворно губы, – как же узко вы мыслите. Торговля держится за счёт постоянных клиентов, поэтому их нельзя обижать. А этот был залётным гостем. Да, вы получили бы сразу две золотые монеты, но репутация ваша была бы подмочена, а репутация – это то, что дороже золота. Нашему же чёрно-синему господину понадобился лишь один подарок для некой леди, а ваши постоянные клиенты станут заказывать сотни таких подарков в течение ближайших лет.

– Пожалуй, ты права, – задумчиво протянул Маффино.

– Думаете, он пытается кого-то очаровать? Боюсь только, что для такого дикого мужчины шоколадных конфет окажется мало, – продолжала болтать я. – Можете порекомендовать ему заказать шоколадную статую, чтобы возместить потерю от сделки. И вам выгода, и милорду может повезти. Глядишь – и смягчится тогда благородная дама. И захочет одарить его восторгам, – я хихикнула, и хозяин тоже рассмеялся.

– Ну ты и лиса, – сказал он, перекидывая комок теста из руки в руку. – Ладно, приготовила формы, занимайся шоколадом. Крутись, как хочешь, но чтобы к назначенному сроку все было готово.

– Не волнуйтесь, все будет приготовлено в лучшем виде, – заверила я его.

Я и вправду успела, и к назначенному сроку шоколадные конфеты с различными начинками – марципановой, ликерной, мармеладной и из толчёных с мёдом орехов – ровными рядами лежали в упаковочном сундучке. Накрыв их чистой тканью, я закрыла сундучок и привязала к ручке веточку падуба. Теперь не стыдно преподнести угощение хоть самому королю.

Снег падал пушистыми мягкими хлопьями, и хотя я продрогла, даже не добравшись до соседней улицы, всё равно шла медленно, ловя на рукав снежинки.

Сегодня многие украшали дома падубом и елью, а фонарщик чистил фонари, чтобы ярче светили в честь наступления нового года. Мне было радостно, как в детстве, и как всегда – ожидание чуда переполняло душу.

Конечно, для нашей семьи чудо было бы очень кстати, и я искренне надеялась, что оно всё-таки случится в следующем году. Например, Анна или Констанца очаруют каких-нибудь благородных господ, счастливо выйдут замуж, и тогда мне не надо будет стряпать сладости в лавке господина Маффино с утра до позднего вечера. Нет, сам по себе человек он неплохой, и даже водил когда-то дружбу с моим отцом – в нашем маленьком городе не слишком смотрят на

разницу в сословиях. Но всё же мне хотелось заниматься чем-то другим, а не варить шоколад и не лепить марципановые фигурки.

Если совсем мечтать, я бы хотела играть на лютне, вышивать и танцевать каждый день. Ах! Танцевать!.. Я сделала несколько пируэтов прямо на улице, поскользнулась, налетела на прохожего, рассмеялась и поспешила дальше. Прохожий лишь приподнял шляпу, приветствуя меня, и ничуть не обиделся. Праздничное настроение передавалось всем.

Дом графа де Конмор был самым большим в нашем городе. Граф де Конмор считался хозяином городских земель, но большую часть времени проводил либо в столице, либо в загородном замке где-то милях в ста от Ренна. Насколько я помню, он ни разу не приезжал в наш город, потому что помимо Ренна у него были ещё пять или шесть городов. В его отсутствие городом управлял наместник – господин Чендлей, и он-то и жил в графском доме.

Мне приходилось бывать здесь. Я приносила госпоже Чендлей бисквиты и груши, вываренные в вине, и знала расположение комнат и пристроек. Зайдя с чёрного хода, я направилась напрямик в кухню, как вдруг знакомый голос заставил меня остановиться.

– ...самое лучшее качество, милорд, – говорил этот голос вкрадчиво. – Чистейший, как девичья слеза, сладкий, как поцелуй невинной красавицы... Вы будете довольны.

Говорил Огюст Сильвани, бывший помощник аптекаря – человек гадкий, с сомнительной репутацией. Его не принимали ни в одном из домов. Но он разъезжал по городу в карете, запряжённой вороными, носил только бархат и лишь посмеивался, когда вслед ему неслись нелестные прозвища.

– Сколько? – спросил другой, тоже знакомый мне голос – глубокий, низкий, по-королевски властный.

Говорил тот самый незнакомец, что приходил сегодня в лавку сладостей.

– Только для вас, милорд, особая цена – десять золотых.

Рот у меня раскрылся сам собою. Десять! Да это целое состояние!

Звон монет, раздавшийся за этими словами, не оставил сомнений, что сделка состоялась. Что же Сильвани продал за такую огромную цену? Эликсир бессмертия?

Я еле успела спрятаться за статую, когда из комнаты напротив вышел бывший помощник аптекаря. Его желтоватое, сморщенное, как высохший лимон, лицо сейчас светилось от удовольствия. Он не заметил меня, прошёл чёрным ходом, а я, выбравшись из-за статуи, задержалась у приоткрытых дверей. Нехорошо вмешиваться в чужие дела, но господин в плаще – новый в нашем городе. Возможно, ему не известна репутация Сильвани. Благоразумие и совесть боролись во мне. Ещё ни на что не решившись, я заглянула в щёлочку между дверью и косяком.

Черноволосый мужчина, похожий на дикаря, стоял в комнате, возле окна, и задумчиво рассматривал что-то, лежащее в большой деревянной шкатулке. Ноздрей моих коснулся сладковатый запах, но я не смогла определить, что это за пряность – аромат был мне незнаком. А вдруг Сильвани продал какое-то зловредное средство под видом лекарства?

Чуть слышно кашлянув, я приоткрыла двери пошире.

– Кто здесь? – грозно позвал мужчина и захлопнул шкатулку.

– Простите, милорд, – произнесла я, проходя в комнату и делая реверанс, насколько позволяла мне моя ноша – сундучок с шоколадными конфетами. – Я принесла товар, который вы приобрели сегодня утром... милорд де Конмор.

То, что он не отрицал этого имени, убедило меня, что именно с господином Ренна я и разговариваю. На всякий случай я сделала ещё один реверанс, постаравшись выглядеть изящно, и улыбнулась.

В комнате было светло, и в сером утреннем свете, на фоне окна, за которым так и роились снежные мухи, мужчина показался мне ещё чернее. На нем уже не было мехового плаща, но чёрный камзол, расшитый серебряной нитью, говорил о высоком положении. Несколько долгих

секунд граф смотрел на меня, и лицо его было весьма нелюбезным. Но вдруг чуть заметно смягчилось.

– Я узнал тебя, – сказал он, убирая шкатулку в ящик стола левой рукой и запирая ящик на замок. – Девчонка из лавки. Отнеси шоколад в кухню.

– Да, милорд, только я осмелилась побеспокоить вас не из-за шоколада, а потому что... Он посмотрел на меня ещё внимательнее, и еле заметно усмехнулся.

– Ты побеспокоила, совершенно верно, – сказал он и подошёл ближе, держа правую руку за спиной, и беззастенчиво разглядывая меня с головы до ног. – Наверное, хотела что-то сказать мне?

– Да! – радостно кивнула я, довольная, что такой важный господин оказался совсем не заносчивым и не гневается за моё вмешательство. – Я хотела сказать...

– Золотого хватит?

– Что, простите? – не поняла я.

– Золотого тебе хватит? – повторил он.

– Золотого?..

– Два золотых, – сказал он, поглядывая на меня как-то слишком уж внимательно, и добавил невпопад: – У тебя милая улыбка.

– Благодарю, милорд...

– И губы сладкие даже на вид, – он вдруг наклонился и поцеловал меня, удержав за шею, когда я попыталась вырваться.

Он целовал меня настойчиво, скользнув языком между моих губ, как человек, привыкший добиваться своего любым путем. Я ощутила сладковатый запах незнакомых мне пряностей, и голова закружилась от этого аромата.

Мне показалось, мы целовались очень долго. Граф уже не удерживал меня, его рука легла мне на щеку, ласково поглаживая. В какой-то момент я поняла, что стою на цыпочках и тянусь к нему, как подсолнух к солнцу. Наконец, граф отстранился и сказал:

– Три золотых, но чтобы обслужила сейчас же. Не потерплю отсрочки даже на полчаса.

Он тяжело дышал и смотрел на мои губы, а я словно пробудилась от зачарованного сна, сообразив, что золотые монеты мне предлагали вовсе не за очередную партию сладостей.

– Нет, милорд, – сказала я, глядя ему прямо в глаза.

Только сейчас я разглядела, что они вовсе не тёмные, а светло-серые, прозрачные, как льдинки. И такие же холодные.

– Нет? – переспросил он.

– Нет. Мои поцелуи не продаются за три золотых.

– Тебе мало? – он криво улыбнулся. – Сколько же ты хочешь? Десять? Даже самые дорогие куртизанки в столице берут меньше. А ты всего лишь шоколадница. Или у тебя есть, чем меня удивить?

– Вы не поняли, – сказала я со спокойным достоинством, хотя внутри всё клокотало. – Мои поцелуи не продаются ни за три золотых, ни за десять. Я сама решу, кого наградить ими. И то, что вы сделали сейчас – это низко. Понимаю, что вас ввели в заблуждение мой вид и то бедственное положение, в котором я оказалась, и только поэтому не стану разглашать этот прискорбный случай, но...

– Как ты складно говоришь, – он удивленно поднял брови. – Этому обучают в лавке?

– ...но ваше поведение не делает вам чести, – закончила я решительно. – Я осмелилась побеспокоить вас, потому что по мягкосердечию хотела предупредить, когда увидела, что вы общаетесь с господином Сильвани. Он нехороший человек, о нем ходят страшные слухи.

– Я знаю, – резко бросил граф, отходя к окну.

– Тогда... мне здесь больше нечего делать, милорд, – я поклонилась и повернулась к двери, чтобы уйти.

– Эй! Постой, – окликнул меня граф. – Как тебя там?

– Для вашей светлости хватит и этого, – ответила я, уже открывая двери. – Не утруждайте себя, запоминая мое имя. Всего хорошего.

В кухне было жарко, и ароматный пар поднимался от десятка блюд, которые жарились, варились и тушились для графского стола.

– Конфеты надо поставить на холод, здесь они растают, – сказала я поварихе. – На холод, но не на мороз.

Леди Чендлей очень ценила её, а остальные побаивались. Госпожа Кокиnero всегда говорила, что думает, и никогда не утруждала себя смягчать резкие высказывания, даже если они касались короля и королевы.

Вот и сейчас, забрав сундучок, она привычно заворчала:

– Да уж знаю, куда определить шоколадные конфеты! Не надо так задирать передо мной свой аристократический нос, леди Бланш!

– И не думала, госпожа Кокиnero, – ответила я учтиво и собралась уходить, но слова поварихи заставили меня задержаться на пороге.

– Ещё и конфеты для этой взбалмошной девчонки! Она и так милорду всю душу вымотала, а всё ей мало, всё подарочков требует... И как только он терпит её капризы?!

Накинув капюшон, я отправилась в обратный путь.

Снег по-прежнему летел мягкими хлопьями, но сейчас он не радовал. Случившееся в графском доме огорчило меня куда больше, чем я хотела бы признать. Впервые неизвестность перед будущим настолько сильно испугала меня и легла камнем на сердце. Даже если нам повесят, и если найдутся женихи для Констанцы и Анны, это не значит, что моя жизнь устроится так же. Скорее всего, матушку заберёт к себе кто-нибудь из сестёр, и я останусь совсем одна. Одинокaя женщина – либо женщина падшая, либо ведьма, что ещё страшнее. Если одна из сестёр не возьмет меня к себе приживалкой, тогда моя дорога лежит лишь в монастырь.

Монастырь...

От этого сердце словно сжимала ледяная рука. Но лучше монастырь, чем продавать свои поцелуи за десять золотых. А граф, похоже, привык добиваться любви девушек – не золотом, так конфетами и подарками... Интересно, кто же та капризная девица, которая истерзала графскую душу?..

Гнев, охвативший меня в доме графа, уже улетучился, и на смену ему пришла усталость. Не телесная, а духовная.

В это день у меня всё валилось из рук, так что даже господин Маффино в конце концов не выдержал. Отругав меня за испорченные вишни в ликере, он приказал налить чашку горячего шоколада и посидеть у окошка, любуясь на снегопад.

– Сладости требуют душевного равновесия, – заявил он, занимая моё место у прилавка. – Верни себе душевное равновесие и только тогда берись за них!

Колокольчик звякнул, и в лавку вошел посыльный господина Чендлея.

– Вам как обычно? – спросил хозяин, доставая с полки свежие бисквиты.

– Я к вам с поручением от милорда де Конмора, – важно сказал посыльный и развернул длинный список.

Шоколад в чашке остыл, пока мы с господином Маффино выслушивали, что необходимо приготовить к следующей неделе. Хозяин побледнел, потом покраснел, потом стащил с головы платок и вытер им вспотевшее лицо. Список был ошеломляющим – бисквиты, заварные пирожные, шоколад и марципан, и всё это в таких количествах, что понадобится нанять с десяток помощниц.

– На следующей неделе граф устраивает предновогодний бал, – пояснил посыльный, и было видно, что он очень горд объявить об этом первым. – Граф прислал задаток и требует, чтобы угощение было готово в срок и в лучшем виде.

Тяжелый бархатный кошелек с вензелем «АК» переключал из руки посыльного в руку господина Маффино. Тяжесть и размеры кошелька впечатляли.

– Ещё милорд велел передать вот это вашей помощнице, – посыльный протянул хозяину крохотный сверток. – Той, которая относил сегодня заказ в дом его светлости. Девушка обронила кое-что, граф распорядился вернуть.

– Леди Бланш относил шоколад, – указал в мою сторону господин Маффино.

– Ах, вот как, – с непередаваемой улыбкой посыльный протянул сверток мне, и я, не думая, протянула руку и приняла его.

Когда дверь за графским посланником закрылась, господин Маффино застонал:

– И как прикажете сделать это за неделю?! Пятьсот бисквитных пирожных! Ты можешь себе это представить?! Даже если положить на них всего по одной вишне, у нас не хватит ягод! У нас найдется пятьсот засахаренных вишен?

Только его причитания прошли мимо моего слуха.

– Но я ничего не теряла в графском доме, – сказала я, развязывая шнурок, перетягивающий свёрток.

Узлы были тугие, и я никак не могла с ними справиться. Да ещё пальцы предательски дрожали.

– Что? – переспросил Маффино. – У нас хватит вишен, Бланш?

Но я его не слышала. Наконец-то я развернула свёрток и на ладони у меня оказалась... серебряная брошь, никогда мне не принадлежавшая. Кровь бросилась мне в лицо. Его милость решил откупиться, когда понял, что промахнулся, торгуя любовь приглянувшейся девицы. Или решил, что получив богатый подарок девица передумает. И станет поговорчивее.

– Две тысячи шоколадных конфет! – перечитывал тем временем список господин Маффино. – Как мы с этим управимся? Можно четверть сделать с марципаном, четверть с ликером, четверть с орехами, и еще четверть с черносливом. Что думаешь, Бланш?

Но я уже ни о чём не думала. Слово ошпаренная, я вскочила и бросилась следом за посыльным, позабыв даже о накидке. Он дошел почти до конца улицы, и когда я догнала его, то задыхалась от быстрого бега.

– Вот! – сказала я, сунув ему в руку серебряное украшение, и отступила на три шага, как от чумного. – Верните его светлости и скажите, что произошла ошибка. Не я – та девушка, которая потеряла эту брошь. Пусть граф припомнит получше, кто приходил к нему. И больше не смейте приносить мне ничего... вроде этого.

– Простите, – церемонно поклонился посыльный. – Произошла ошибка, я понял.

В смятении чувств я возвращалась в лавку, обнимая себя за плечи, потому что внезапно ощутила и мороз, и поднявшийся ветер, пронизывающий до костей.

Господин Маффино встретил меня упреками. Его очень беспокоило моё здоровье – иначе кто станет готовить сладости для графского бала?!

Он пересчитал задаток, и чуть не упал в обморок – тридцать золотых, королевская награда! Он не поспешил и сразу передал один золотой мне. Я зажала в ладони холодный кружок. Ну и пусть господин граф сорит деньгами. Если хочет бал – будет ему бал. И я готова трудиться, чтобы заработать ещё пару золотых, но вытирать ноги о свою честь не позволю никому, даже графу. С другой стороны, я понимала, что граф де Конмор отнёсся ко мне не как к леди Бланш, а как к Бланш из лавки сладостей. С простолюдинками можно не церемониться, и то, что его сиятельство соизволил извиниться таким своеобразным образом – для Бланш из лавки и вправду было бы счастьем. Но не для леди Бланш.

Такие тягостные мысли одолевали меня, пока господин Маффино высчитывал, сколько понадобится продуктов, что ещё необходимо закупить, сколько человек пригласить в помощь. Он старался выгадать каждый грошик, и чем дальше, тем больше я понимала, что основная работа ляжет на мои плечи.

К вечеру мы выполнили почти все сторонние заказы на завтра, и господин Маффино торжественно выставил на прилавок табличку «Заказы временно не принимаются!».

– Приходи пораньше, – сказал он мне на прощанье. – Начнем сразу, чтобы не терять ни минуты времени. Графский бал в Ренне! Вот так событие!

Мы разошлись в разные стороны, и я побрела к дому. Ноги гудели и были тяжёлыми, как налитые свинцом, спина занемела – ведь за этот день я присела отдохнуть лишь один раз. Как я и предполагала, господин Маффино привел в помощь бестолковую девчонку, которая не умела даже перетирать пряности. Слава богу, что её умения хватило на просеивание муки и дробление орехов. Зато она очень умело приставала с расспросами о заказчиках, и к вечеру от её болтовни у меня раскалывалась голова.

Наш дом находился на одной из окраинных улиц, куда пришлось переехать после смерти отца. В окнах горел свет – меня ждали, и от этого на сердце потеплело, а все обиды дня показались ничтожными.

Я обмела еловым веником снег с обуви и вошла, окунувшись в тепло и запах чечевичной похлёбки. При моём появлении Анна и Констанца, сидевшие у камина, на решётке которого матушка поджаривала хлеб, сорвались с места и бросились ко мне.

– У меня нет новых туфель! – кричала мне в одно ухо Анна.

– Надо немедленно проветрить наши наряды! Они пахнут канифолью! – вопила в другое Констанца.

– Я надена синее платье!

– Нет, я его надена!

– Ты наденешь голубое!

– Но оно мне маленькое!

– Кто виноват, что ты растолстела?

– Я не растолстела, а выросла!

Порой мои старшие сестры вели себя, как маленькие капризные девочки. Чаще всего это умиляло, но сейчас я почувствовала только усталость и раздражение.

– Дайте ей отдохнуть, – сказала матушка, выкладывая горячий хлеб на тарелку. – Садись ужинать, Бланш.

Я поблагодарила и села за стол, а матушка поставила передо мной миску с похлебкой.

– По какому случаю шум? – спросила я после пятой ложки. – К вам посватались принцы или получили приглашение на графский бал?

Сестры радостно завизжали, а я чуть не уронила кусочек хлеба, который не успела поднести ко рту.

– Мы приглашены, Бланш! – завопила Констанца в восторге.

– На графский бал? – не поверила я.

– Нас всех пригласили! – Анна сунула мне в лицо твёрдый бумажный прямоугольничек.

Я взяла его, но сразу прочитать не смогла, потому что буквы, витиевато выписанные на позолоченном картоне, так и прыгали перед глазами.

– Видишь? – Констанца не дождалась и белым пальчиком с отполированным ногтем – Приглашаются Констанца, Анна и Бланш Авердин. Ну? Разве это не чудесно?!

Приглашение на графский бал.

Эта новость подействовала на меня, как удар крепким снежком в лицо.

– Чудесно, – пробормотала я, откладывая золочёную картонку. – Когда вы его получили?

– Сегодня в три часа. Принес посыльный от графа!

– В три часа...

– Бланш, да что с тобой? – затеребила меня Анна. – Ты будто не рада. Это ведь потрясающе! Такое событие! Надо купить ленты, кружева, а мне нужны новые туфельки.

– И мне тоже, – пожаловалась Констанца. – У старых туфель уже потрепанный вид.

- Ах, да, – я вспомнила про заработок и протянула матери золотую монету.
- Золотой! – она радостно засмеялась. – Вот и туфли для вас, девочки!
- Может, лучше приберечь деньги? – спросила я. – Ещё пять золотых, и Констанцу можно будет объявить невестой с приданым.
- И пропустить графский бал!? Ни за что! – Констанца надула губы.
- Нам лучше пойти на бал, потому что это шанс познакомиться с будущим мужем, – сказала Анна. – Матушка это понимает. Ведь так?
- С мужем... – пробормотала я. – Ну конечно...
- Ты сама всегда говорила, что главное – репутация, – продолжала Анна. – Если мы явимся на праздник нарядно одетые, то никто не вспомнит, что папочка не оставил нам денег.
- Он во всём виноват... – опять пробормотала я.
- Что? – не расслышала Анна.
- Говорю, что я вряд ли пойду на этот бал, – сказала я громко.
- Матушка и сестры испуганно ахнули.
- Что это ты выдумала, Бланш? – возмутилась мама. – Приглашение отправлено для троих, отказываться неприлично!
- Граф заказал горы сластей в лавке господина Маффино, – сказала я, почти не покрывив душой. – И делать их придется мне. Неделя работы на износ – тут не до танцев и развлечений.
- Как жаль, – вздохнула Констанца, обнимая меня с одной стороны, а Анна, подсев с другой, поцеловала в щёку.
- Не грусти, – сказала Анна. – Мы можем тебе помогать. Я умею толочь марципан.
- В фарфоровой ступке размером с горсть, – засмеялась я. – Нет, мои дорогие сестрёнки, тут вы мне не помощницы. Легче сделать всё самой, чем объяснять вам – что и как.
- Лущить миндаль они вполне смогут, – сказала матушка.
- Мама! – вскричала Констанца. – Но от этого загрубеют пальцы! Как мы будем танцевать на балу у графа, если пальцы загрубеют? Нас примут за служанок, у которых руки в мозолях!
- Я украдкой посмотрела на свои руки. Ногти коротко острижены, на ладонях – мозоли от постоянной работы пестом, и кончики пальцев шершавые. Меня и вправду можно принять за служанку.
- Всё, пошла спать, – решительно поднялась я, доедая последний кусочек хлеба и стряхивая с себя обнимающих сестёр. – Господин Маффино просил прийти завтра пораньше.
- Сестры засуетились, высказывая нежную заботу – каждая поцеловала меня на ночь, пожелав спокойных снов, и пообещала не шуметь, потому что они-то точно не смогут уснуть в эту ночь от волнения.
- Оставив сестёр волноваться на первом этаже, я поднялась на второй, где находились спальни, и разобрала постель, взбив перину и подушки. Я уже переоделась в ночную рубашку и готовилась нырнуть под одеяло, когда пришла матушка.
- Что-то случилось, Бланш? – спросила она.
- Нет, всё хорошо, мама, – ответила я, надевая чепец.
- Кого ты обманываешь? – спросила она. – Ты как пришла, ни разу не улыбнулась. Что-то произошло?
- Совсем ничего, – мне даже не пришлось лгать, потому что и в самом деле – поцелуй и непристойное предложение от графа Конмора не заслуживали никакого внимания.
- Я залезла в постель, укрылась до подбородка, и матушка подошла благословить меня на ночь.
- Что бы ни произошло, – сказала она, – завтра всё изменится к лучшему.
- Ты говоришь это каждый вечер, – чтобы доставить ей удовольствие, я улыбнулась.
- И разве я не права? – матушка ущипнула меня за щёку. – Ну вот, ты улыбаешься – теперь это моя дорогая Бланш. Спи, приятных тебе снов.

Легко сказать – спи. Но как уснуть, если весёлая возня и пiski сестёр, перебирающих наряды, слышатся так, словно всё происходит в комнате рядом. Сёстры утомнились только после полуночи, но и забравшись в свои постели продолжали шептаться, фантазируя о великолепии графского бала.

Глава 2

Неудивительно, что утром я проснулась разбитая, будто меня всю ночь гоняли палками. Анна и Констанца сладко посапывали, и я прошла на цыпочках к выходу, чтобы не разбудить их.

Матушка уже приготовила мне завтрак и поставила на стол гренки с сыром, земляничный джем и варёные яйца.

– Ты решительно настроена не ходить на бал к де Конмору? – спросила она, когда я положила салфетку на колени и принялась за еду.

– Мама, представь, на кого я буду там похожа. Неделя работы в лавке превратит меня в привидение. Я буду только зевать по углам.

– Бланш, – мать под села ко мне и обняла за плечи. – Может, скажешь господину Маффино, что не станешь работать эту неделю?

Но я покачала головой:

– Я уже взяла задаток. К тому же, он тогда останется совсем один. Как одному справиться с огромным заказом? И не надо думать, мама, что после графского бала все наши проблемы улетучатся. А после такого предательства господин Маффино может не взять меня обратно.

– Ты права, – матушка вздохнула. – И всё же мне кажется, после этого бала в нашей семье всё изменится. Это похоже на сказку, не находишь? После смерти твоего отца нас никуда не приглашали, а тут – новогодний бал!

– Да уж, – ответила я, подбирая кусочком хлеба последние капли земляничного джема.

– Всё же подумай, чтобы пойти с сестрами. Ты хорошенькая, у тебя неплохо язык подвешен, а улыбка – одно загляденье...

Вот говорить мне комплименты про улыбку сейчас точно не следовало!

– Мама! – сказала я недовольно, но матушка продолжала.

– ...кто знает, может ты приглянешься госпоже графине. Наверняка, она тоже будет присутствовать, вместе с мужем. Она почти твоего возраста, вдруг вы подружитесь?

– Графиня? – переспросила я. – Жена графа де Конмор? Разве он женат?

– А разве нет? Мне казалось, он женился года два или три назад.

«Ещё и греховодник. Прелюбодей», – я бросила ложку на стол и начала обуваться.

– Бланш, ты сама на себя не похожа, – встревожилась матушка.

Я не ответила, поцеловала её и вышла на улицу.

Снег шёл по-прежнему. Наверное, зима решила явиться в наш город сразу и надолго. Тропинки между домами и улицы ещё не чистили, и я утопала в снегу по колено.

Невольно взгляд мой обратился к башням графского дома. Они возвышались надо всем городом, и в верхних окнах горели огни. От этого сами башни, построенные в незапамятные времена из серого камня, казались чёрными великанами с горящими глазами. Такими же, как их хозяин. Я вспомнила о вчерашнем оскорблении, и снова разозлилась и разволновалась. Все в Ренне знали меня, но знатные господа никогда не оскорбляли домогательствами, а простолюдины не смеялись надо мной. И вдруг... Графу, конечно же, не было известно, что я – дочь сэра Авердина, который служил верой и правдой ещё его отцу. Только что это за хозяин города, если он не знает о судьбе своих преданных вассалов?

Но беспокойство вызывало и другое. Мои собственные чувства. Вспоминая о поцелуе, я горела не только гневом. Что-то во мне предательски восторженно трепетало. Меня никогда не целовал мужчина, и я только от сестер слышала, как сладки любовные поцелуи. Поэтому теперь пыталась разобраться – понравилось мне или нет? Сам граф де Конмор был мне неприятен, его внешность ничуть не походила на образ благородного рыцаря, о котором мы с сестрами мечтали, читая баллады о героях прошлых лет. Но когда он оказался так близко, и наши губы

соединились, не я ли встала на цыпочки, чтобы приникнуть к нему сильнее? Что со мной произошло в тот миг?

Всё это сводило с ума, и я приступила к выпечке песочного печенья в растрёпанных чувствах. Каким-то чудом мне удалось не испортить тесто и не сжечь выпечку, потому что мысли мои витали где-то очень далеко от лавки сладостей. Но когда мы с господином Маффино перешли к засахаренным фруктам в жележном льду, дело пошло легче, потому что тонкая работа меня увлекла.

Всё-таки, это очень интересно – колдовать над мукой, маслом и орехами, превращая обыкновенные продукты в шедевры кулинарного искусства. В тоненькие пирожные, сложенные в два слоя, между которыми скрывалась начинка из взбитых с сахаром сливок, или в пышные бисквитные торты, пропитанные фруктовым сиропом и ромом. Такая работа требовала изящества, выдумки и огромного внимания.

Неделю перед балом я пропадала в лавке господина Маффино с раннего утра до полуночи, иногда даже ночуя на скамейке у входа, чтобы не терять драгоценные минуты отдыха.

Постепенно кладовые заполнялись всеми теми вкусами, которыми господин Синяя Борода планировал удивить гостей. Ароматы ванили и корицы пропитали мои волосы и одежду, и даже ночью я видела во сне, как вырезаю формочками тесто, посыпаю выпечку сахарной пудрой, просеивая её через ситечко, и выскабливаю семена из стручков ванили.

Что касается жителей нашего города, то все словно сошли с ума. Разговоры были лишь о предстоящем графском празднике, нарядах и фейерверке, который обещал устроить де Конмор. Торговля в лавках кружев и нарядов шла невероятно бойко, продано было даже то, что лежало на полках несколько лет, а свет в окнах модисток горел ночи напролет. Бедным модисткам приходилось ещё хуже, чем мне.

За два дня до бала, когда я усердно вымешивала тесто, сдобренное маслом и изюмом, а снежинки за окном роились особенно деловито, в лавку зашла госпожа Сплеторе, решившая купить орехов на развес.

Пока господин Маффино обслуживал её, она щебетала, словно райская птица, рассказывая последние новости:

– Говорят, что сам король настаивает на свадьбе, и он предлагал в жены де Конмору лучших невест королевства. Только граф хочет жену из тех мест, откуда сам родом. Так что бал по случаю новогодних праздников – всего лишь прикрытие. Кто-то из наших девушек по его окончании станет графиней де Конмор. Похоже на рождественскую сказку, не правда ли?

Я перестала месить тесто и уставилась на госпожу Сплеторе:

– Но разве граф не женат? Говорят, два года назад он женился...

– На леди Эстер Эвинари, – подтвердила наша посетительница. – Полгода назад она умерла, бедняжка. Граф выдержал положенные месяцы траура и снова вышел на охоту. Кого-то из красавиц Ренна принесут ему на съедение... как сладкий пудинг на серебряном подносе

– Небеса святые! – воскликнул Маффино. – А Бланш мне не верила!

– Отчего она умерла, вам известно? – спросила я.

– Кто же знает, отчего умирают жёны Синей Бороды? – ответила госпожа Сплеторе, таинственно понижая голос. – Говорят, даже тела её не нашли.

– Если не нашли тела, то граф не может считаться вдовцом, – ответила я, снова возвращаясь к тесту. – Так что либо предстоящая свадьба – пустые слухи, либо смерть графини была вовсе не таинственной.

– Можете мне не верить, – обиделась леди Сплеторе, – но всё так, как я говорю! И на месте юных девиц в этом городе и их достопочтенных матушек я не слишком бы стремилась на этот бал.

– Получается, вас не пригласили? – спросила я, словно бы между делом.

Госпожа покупательница фыркнула, схватила покупку и вылетела из лавки стрелой. Господин Маффино рассмеялся:

– Ты её сразу раскусила?

– Если тебя не пригласили на праздник, куда позвали половину города, лучший способ отомстить – придумать какую-нибудь ужасную сплетню. Вот она и придумала. И, собственно, даже придумывать ничего не надо, – сказала я. – Об этом и так все судачат.

– Но нам лучше сосредоточиться на штоллене с изюмом, – попытожил господин Маффино. – Добавь еще мускатного ореха. Мне кажется, что пряностей маловато.

Ах, штоллен! Разве может быть что-то лучше ароматного, сладкого штоллена, который выпекают лишь раз в году? Нежный и сливочный – как бисквит, с изюмом и миндалем – как кулич, с анисом, корицей и гвоздикой – как пряник, а сверху он густо осыпается сахарной пудрой – белой и лёгкой, как падающий снег. Первый, третий, пятый, пятнадцатый... И к тому времени, как из печи начал истекать божественный аромат готовой выпечки, мы с господином Маффино напоминали парочку измождённых пилигримов, проделавших пешком путь из Святой земли до Бретани.

Накануне бала я пришла домой, не чувствуя ног. К тому же я несколько раз выскакивала на улицу, распотев перед этим у печи, и сейчас у меня саднило горло. Хотелось выпить горячего молока и завалиться в постель, потому что завтра предстояло отправлять сладости в графский дом – а это тоже нелегкая работа, хотя граф и распорядился прислать нам двадцать носильщиков.

Когда я открыла двери, то увидела двух прекрасных леди в нежно-голубых платьях. Констанца и Анна вертелись перед старым зеркалом, хвастаясь обновками, а матушка смотрела на них с улыбкой.

– Как мы тебе, Бланш? – закричала Констанца, хватая меня за руки и начиная кружить по комнате, словно уже танцуя на паркетном полу.

Мои натруженные ноги тут же отозвались стоном, но я не могла обидеть сестру и сказала с улыбкой:

– Тебе очень идет этот цвет – локоны кажутся по-настоящему золотыми.

– А мне идет? – подскочила Анна.

Ее волосы были потемнее, и платье ей подобрали более насыщенного тона – у матушки всегда был отличный вкус. Я похвалила и наряд Анны, и хотела подняться в спальню, но матушка преградила мне дорогу:

– Оценила два платья – оцени и третье, – сказала она, подталкивая меня к креслу, которое специально передвинули в угол, чтобы я его не сразу заметила.

На кресле лежало бальное платье – розовое, двухслойное, легкое и нежное, как летний рассвет. Нижний слой – из шелка, верхний – из шифона, прошитого серебряными нитями. Шелковая роза прикреплена к лифу, два розовых бутона пришпилены к поясу.

Платье было прекрасно, и после всех полотенец, фартуков, салфеток и упаковочных листков кондитерской казалось волшебным туманом. Чем-то совсем не подходящим мне.

– Оно великолепно, не правда ли? – спросила матушка. – И прекрасно тебе подойдет. Я сама подгоню его по твоей фигуре, и мы сэкономим на швее.

Но на меня новое платье произвело гнетущее впечатление, и матушка не могла этого не заметить, в то время как Анна и Констанца опять начали танцевать перед зеркалом.

– Ты не рада, Бланш? Тебе не нравится? – спросила матушка с тревогой.

– Оно красиво, – сказала я. – Но ты зря потратила деньги. Я не пойду на бал.

– Хватит упрямиться. Тебе надо пойти вместе с сестрами.

– Мама! – только и сказала я, и убежала в спальню, чтобы никто не увидел слёз, которые против моей воли готовы были пролиться.

Но матушка не пожелала оставлять меня одну и поднялась за мной.

– Что случилось, Бланш? Отвечай немедленно!

Всю правду ей знать не было необходимости, но кое-что можно было объяснить.

– Так получилось, что граф де Конмор видел меня в лавке господина Маффино, когда делал заказ на праздник, – сказала я как можно безразличнее. – И принял за служанку. Мы не очень изящно поговорили. Будет неправильным, если после этого я заявлюсь к нему, как благородная леди.

Некоторое время матушка обдумывала мои слова, а потом решительно воспротивилась:

– Это не может быть причиной. Насколько я знаю, граф – рассудительный и воспитанный человек. Даже если он узнает тебя, всё равно не упрекнёт ни взглядом.

«Воспитанный, если дело не касается смазливых простолюдинок», – подумала я, но вслух сказала:

– Не только мне, но и графу будет неприятно. Чего доброго, он посчитает, что надо извиниться. Мы же не хотим, чтобы хозяин праздника чувствовал себя неловко?

– Неловко? Да что ты, Бланш! Если он захочет перед тобой за что-то извиниться – это не самое страшное, что случается в жизни. Да он и не узнает тебя, так что не волнуйся. Господа его уровня никогда не обращают внимания на служанок.

«Вот это едва ли», – снова неуважительно подумала я.

– К тому же, бал не сошелся клином на милорде графе, – матушка взяла меня за руки и ласково жала. – Вернулся Реджинальд, и он спрашивал о тебе.

– Реджи? – переспросила я. – Когда он вернулся?

– Сегодня. И сразу нанес нам визит. К сожалению, тебя не было дома.

– Ты сказала ему, что я работаю в лавке?!

– Сказала.

– Мама!

– Не пугайся так, он отнёсся к этому с пониманием. И сказал, что хотел бы встретить тебя на балу у графа, он тоже приглашен.

– Надеюсь, не в качестве возможной невесты? – пробормотала я.

– Что ты сказала? – не расслышала матушка.

– Нет, ничего, – сказала я громко. – Что ж, отличная новость, что Реджи вернулся. Но моего решения это никак не изменит.

– И всё же я настаиваю, – матушка ласково погладила мои руки – в пятнах от вишен, с огрубевшей кожей на кончиках пальцев. – На балу будет много молодых людей – граф позаботился, чтобы кавалеров хватило всем любительницам потанцевать. Кто знает – вдруг кто-то из них станет твоей судьбой? К тому же, Реджинальд... Я помню, вы очень нежно относились друг к другу.

– Мы были просто детьми, – возразила я.

Но помимо воли воспоминания унесли меня в те далёкие дни, когда всё было хорошо и легко, и папа был с нами, и мы жили в большом загородном доме, по соседству с Оуэнами, а Реджинальд – их единственный сын, каждое утро швырял камешки в окна нашей спальни, вызывая меня и сестёр для милых детских игр.

Впрочем, не всегда игры были милыми. Порой мы возвращались домой с разбитыми коленками и носам, в синяках и порванных платьях, если Реджинальду приходила в голову идея обследовать старую мельницу или устроить качели на дереве, росшем на краю оврага.

Он был большой выдумщик, Реджинальд. И как же я горевала, когда сэр Оуэн решил продать дом и перебраться в столицу, потому что устроил сына пажом к герцогу.

В вечер перед отъездом Реджи вызвал меня из дома, схватил за руку и побежал к старому дубу, увлекая за собой. Там он показал вырезанные на коре наши имена – Бланш и Реджинальд, одно возле другого, и сказал, что обязательно вернется в Ренн и женится на мне. Мы поцеловались с ним там, под дубом, и даже клялись помнить друг друга... Мне было двенадцать,

Реджи – на год старше. Совсем дети. Что значат детские клятвы? И поцелуй? После смерти отца мы продали дом и переехали в Ренн, в черту города. С тех пор я ни разу не встречала своего товарища по играм, и не бывала у старого дуба. Но надо думать, наши с Реджи имена до сих пор были там – палимые солнцем, поливаемые дождями, но вырезанные рядом.

– Он стал таким красивым – Реджинальд, – матушка поцеловала меня в лоб и подоткнула одеяло. – Высокий, широкоплечий. И у него тоже очень славная улыбка.

– Мама, мы были детьми...

– Иногда детская любовь – самая крепкая. Поэтому ложись спать и отдохни хорошенько, чтобы на завтрашнем балу не было никого прекраснее моей милой Бланш.

Отдохни хорошенько!

Я вскочила с третьими петухами, нашаривая в темноте платье и чулки, и стуча зубами от холода, потому что печь ещё не топили. Всю ночь мне снилось, будто я на графском балу, танцую с Реджинальдом, но вдруг обнаруживаю, что стою посреди зала в заплатанном платье, перепачканная взбитыми сливками и карамельным сиропом. Я просыпалась в ужасе и думала, что ни за что не отправлюсь в дом графа.

К полудню, когда все конфеты и пирожные были отправлены по назначению, я села на скамейку и вытянула гудевшие ноги. После такого и ходить будет тяжело, не то что танцевать. Танцевать... Но я ведь решила, что не пойду на приём в дом графа.

Господин Маффино появился наряженный в красный камзол, и с шелковым шарфом зеленого цвета, обмотанным вокруг короткой шеи в три раза. У меня попросту рот открылся от этой картины, а господин Маффино приосанился, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Куда это вы собрались? – только и спросила я.

– На бал, конечно же! – почти обиделся Маффино. – Я тоже приглашён. И тоже холостяк, как и милорд де Конмор. Если он намерен обзавестись невестой, может и мне повезет.

– Никто не согласится стать вашей женой, – сказала я скорбно.

– Почему это? – испугался господин Маффино. – Я в самом расцвете лет и очень недурен!

– Никто не согласится, – продолжала я, – потому что выйти за вас – это значит через два года растолстеть. Кто сможет устоять перед вашими бриошами?

– Вечно ты надо мной подшучиваешь, насмешница! – он вынул из кармана надушенный платок, приложив его к щекам и подбородку.

– Запах корицы это не перебьет, – напорочила я.

– Пора бы тебе домой, – сказал он с досадой. – Гости начнут прибывать через два часа, а ты даже не причесалась. Не забудь только забросить корзинку Вильямине.

– Не волнуйтесь, передам ей ваш подарок с наилучшими поздравлениями, – ответила я.

Вильямина была городской прорицательницей. И хотя церковь запрещала ходить к гадалкам, ведуньям, колдунам и прочей тёмной братии, весь город бывал у неё – и разумеется, все тайно.

Что касается господина Маффино, он был её ярым поклонником. В своё время Вильямина нагадала ему, что он разбогатеет, если отправится на юг изучать тонкое поварское искусство – так и произошло. И с тех пор он отправлял ей подарки каждый новый год, как родной мамочке.

В корзинке, что была приготовлена в этот раз, лежал хороший кусок окорока, свежее сливочное масло, круглая пшеничная булка и кулёк лучших шоколадных конфет. Я сама делала их – с марципанами и ликером.

Набросив накидку, я зашагала по заснеженным улицам в сторону дома. Господин Маффино был прав – я даже не причесывалась сегодня. А вот мои сестренки, наверняка, умылись сыворткой – чтобы кожа была белее, натерли волосы кусочком шелка – для блеска, и с самого утра жевали мятные пастилки для свежести дыхания. Реджи увидит меня рядом с ними и разочаруется.

Я вздохнула и ускорила шаг.

Вильямина жила в покосившемся доме с кривой трубой, совсем недалеко от нас. Поэтому-то господин Маффино и поручил мне эту почетную миссию – сам торопился в графский дом, чтобы проследить за доставкой сладостей.

Окно на втором этаже было занавешено красной шторой, и это был знак, что Вильямина принимает посетителей, и беспокоить её нельзя.

Я вошла в дом и уселась на лавку возле самых дверей, поставила корзину на колени и приготовилась ждать, когда прорицательница освободится.

Мне было слышно бормотание старухи, но слов я не разобрала, да и не слишком вслушивалась. Но монотонный голос Вильямины, тепло от камина и усталость сделали своё дело, и я задремала, явственно увидев паркетный пол в доме графа, а потом услышала музыку и голос графа – он был чем-то недоволен, и его низкий властный голос перекрыл даже дивный полонез, который исполняли музыканты.

– ...так и скажи, что никогда!

Открыв глаза, я попеняла себе, что слишком много думаю о бале, раз вижу его во сне и слышу графский голос. А голос де Конмора не утихал:

– Кто согласится на такое? Кто?!

Нет, это не сон.

Я вскочила, прижимая корзину к груди. Сомнений быть не могло – этот голос я узнала бы из тысячи. У Вильямины был сам граф!

Ступени на лестнице закрипели, я заметалась по комнате, не сообразив, что лучше всего было бы выскочить за дверь, и драгоценные секунды были упущены.

– Согласится или нет – не моё дело, красавчик, – раздался надтреснутый голос Вильямины. – Только я тебе всю правду сказала.

– Старая шарлатанка! – ответил граф грубо.

Не придумав ничего лучшего, я встала за камином, вжавшись в стену, и затаила дыхание.

Посетителем и в самом деле оказался де Конмор. Хотя он и озаботился надеть маску, я узнала его по меховому плащу, длинным чёрным волосам и бороде. Мое укрытие оказалось смешным, и как я ни пыталась остаться незамеченной, граф увидел меня. Глаза из-под маски так и сверкнули, но он не замедлил шага. И не вышел – а вылетел из дома прорицательницы, хлопнув на прощанье дверью. С потолочных балок слетела сажа, и со второго этажа спустилась Вильямина – наряженная для приёма знатного гостя в красную юбку с продольными чёрными полосами, мужской бархатный камзол – порядком засаленный и протертый на локтях, и головной платок, который она повязывала на восточный манер – тюрбаном.

Прорицательница хихикала, потирая сухонькие ладошки, и сразу высунулась в окно, провожая гостя. В комнату дохнуло холодом и свежестью снега.

– Браслетик не потеряй! – крикнула старуха, продолжая посмеиваться. – Вдруг да найдешь, кому его подарить!

– Госпожа, – позвала я её.

– Кто тут ещё? – она закрыла окно и уставилась на меня подслеповатыми глазами.

– Это Бланш Авердин, – сказала я, почтительно кланяясь.

– А! Белозубая улыбка! – узнала меня Вильямина. – Зачем пришла? Хочешь погадать на богатого жениха?

– Вовсе нет, – засмеялась я. – Господин Маффино присылает вам скромный подарок в честь нового года, просит помнить, и заверяет, что сам вас никогда не забудет.

– Балабол Джордж прислал гостинцы? – старуха взяла корзину и принялась рыться в ней. – А конфеты есть?

– Самого лучшего качества, – заверила я её. – Я сама приготовила их только сегодня утром. Кушайте на здоровье.

– Точно не хочешь, чтобы я погадала? – спросила Вильямина, сразу засовывая в рот сладости. – Погадаю бесплатно, не зря же ты тащишься в такую даль.

– Ну что вы, госпожа! Вы позабыли, что мы теперь живем рядом с вами? Всего-то в двух улицах...

– А, ведь твой папаша помер, – вспомнила она. – Так тем более надо разложить карты! Твои сестрюльки, поди, тоже не замужем?

– Они идут на графский бал и надеются, что там им повезет.

Старуха что-то пробормотала с набитым ртом, я ничего не поняла и на всякий случай снова поклонилась:

– Ну, я пойду, доброго вечера.

– Подожди, я тебе кое-что скажу, Бланш Авердин, – старуха прожевала конфету и заговорила чистым, ясным, совсем не старческим голосом. – Когда встретишь что-то страшное – то не бойся. Все страхи человек придумывает сам, и они крепко сидят у него вот тут, – она постучала себя по лбу указательным пальцем. – Хорошо, когда хватает ума победить собственные страхи, а если ума нет... – она развела руками и покачала головой. – Поэтому ничего не бойся, и все страхи исчезнут.

Я не сразу нашлась с ответом на эту странную речь, но потом поблагодарила:

– Спасибо, госпожа. Всё, что вы сказали, я сохраню в памяти. Ещё раз доброго вечера!

– Иди, иди, миледи, – сказала старуха, засунула в рот еще одну конфету и принялась невнятно напевать старинную балладу:

*– Уедем ко мне, красавица Мод,
Ты мне всех дорожже и всех милей!
А чтобы ты знала мою любовь,
Получишь всё после смерти моей.*

*Получишь дом, и пашню, и скот,
Я в том поклянусь и печать приложу,
Поедем со мной, красавица Мод,
Любовь я на деле тебе докажу!*

Я направилась домой, посмеиваясь над чудаковатой старухой. В предсказания я не верила ни на грош, и меня позабавило, что граф де Конмор бегал в наш бедный квартал. Интересно, о каком браслете говорила Вильямина? Кому граф должен был его подарить? Шла ли речь о той самой девице, которая истерзала его душу?

Размышляя об этом, я добралась до дома, и едва переступила порог, как очутилась в незнакомом разноцветном мире, где всё вертелось, кружилось, благоухало духами и шипело раскаленными утюгами. Две девушки, нанятые помощницами в этот волнительный день, стояли перед Анной и Констанцией на коленях, подрубая подолы платьев. Матушка, облаченная в новое платье из чёрного шелка, укладывала золотистые локоны Констанцы в затейливую прическу. Из-за нехватки денег пришлось отказаться от услуг парикмахера, но матушка отлично справилась. Крохотная диадема с жемчужинами – украшавшая ещё нашу бабушку, придавала облику Констанцы благородства и изящества. Анна осталась без фамильных украшений, но ее волосы матушка украсила шелковой розой, и получилось очень даже неплохо.

– Вот и ты, Бланш! – матушка бросила на меня рассеянный взгляд. – Причешись, я сделаю прическу и тебе.

– Мама, мне бы не хотелось... – начала я.

Но матушка перебила меня:

– Нам придется лгать графу, что ты лежишь с приступом мигрени? Не будь кокеткой, Бланш! Я подшила твои туфли, они на столе.

Я со вздохом взяла свои потрёпанные туфельки. Когда-то они были новенькими, атласными, с жемчужными розетками. Матушка постаралась придать туфлям приличный вид, но все равно их унылость резко контрастировала с новизной платья. Если только не подшивать подол, чтобы обувь не была видна?

Констанца и Анна щебетали, как малиновки, а у меня было тяжело на душе, и совсем не радостно на сердце. С большим удовольствием я осталась бы дома, но строгий взгляд матушки заставил подчиниться.

Причесавшись и умывшись, я надела нижнюю рубашку – на тонких бретельках, и при помощи девушек нырнула в розовое облако, которое мне поднесли. Платье было немного широковато в талии, но матушка тут же зашила его по спинке, да так, что я еле могла вздохнуть. С моей причёской у нее было куда меньше забот, чем с причёсками сестёр – она просто приподняла мои тёмные кудри на затылке, оставив концы свободно падать на плечи и спину.

– Надо чем-то украсить волосы, – матушка отцепила от пояса платья бутоны роз. – Вот, они прекрасно подходят. Очень нежно и в то же время ярко.

– Благодарю, мама, – сказала я, разглядывая собственное отражение.

Там, в зеркале, отражалась незнакомая девушка – тонкая и изящная. Даже удивительно, что этой девушкой была я. Казалось, бесконечно много лет моё отражение не радовало меня так, как сегодня. Пожалуй, я чересчур бледна, но в моде аристократическая бледность, так что это к лучшему. По крайней мере, Реджинальд не будет разочарован, увидев меня.

– Реджинальд будет очарован, – сказала мама мне на ухо, будто прочитав мои мысли.

Я застенчиво улыбнулась, и отражение в зеркале ответило мне улыбкой. Господин Маффино сравнивал мои зубы с очищенными ядрышками миндаля. Что ж! Они и вправду белоснежные, и ровные – загляденые, а не зубы. Улыбнувшись посмелее, я продемонстрировала улыбку во всей красе. Почему бы и нет? Кто знает, что ожидает нас на этом балу? Новогодние праздники для того и существуют, чтобы чудеса приходили в нашу обыденную жизнь.

Глава 3

Настроение улучшилось, как по волшебству, и в коляску, снятую напрокат, я садилась с самыми радужными предчувствиями. Матушка говорила, что под Новый год заветные желания сбываются. У меня не было заветного желания. Вернее – было много желаний, и все они казались мне чрезвычайно важными. Но если даже судьба не осчастливит меня их исполнением, я всё равно надеялась, что случится что-то хорошее. Встреча с Реджинальдом – это уже хорошо. Любопытно, каким он сейчас стал?

– С ума сойти, – сказала матушка, когда наша скромная карета остановилась у парадного входа в дом графа. – Я уже забыла, когда бывала здесь в последний раз.

– А Бланш бывает часто, – сказала бесхитростная Констанца. – Там ведь красиво, да?

– Говорят, там паркетные полы, – сказала Анна, вопросительно посмотрев на меня.

– Я бывала в доме графа. Только не с парадного входа, – напомнила я сёстрам. – Но полы там, действительно, паркетные.

Слуга открыл дверцу и опустил лесенку, помогая выйти из кареты сначала матушке, потом моим сёстрам, а потом и мне. Констанца стремилась поскорее войти в дом, потому что стеснялась поношенной накидки, но нам пришлось уступить дорогу семейству судьи. Матушка придержала за локоть прыткую Констанцу, и мы четверо поклонились, пропуская самого судью, его жену, наряженную в великолепную бархатную накидку, отороченную вокруг капюшона мехом, и дочь судьи – леди Аларию. Она была старше меня всего на полгода, но у неё точно не было недостатка в женихах. На ней тоже была бархатная накидка, только без меховой оторочки. И можно было лишь позавидовать, представив, какое прекрасное платье скрывалось под этой накидкой.

Проходя мимо нас, Алария посмотрела на меня презрительно – мазнула взглядом, как по служанке, вздумавшей вырядиться в господское платье.

Гостей встречал не хозяин дома, а лорд Чендлей с супругой. Они тепло приветствовали нас и были особенно милы с Констанцей, похвалив её красоту.

– Держитесь вместе, девочки, – посоветовала матушка, когда мы пошли в дамскую комнату, чтобы снять верхнюю одежду и поправить прически, – этот дом такой огромный, что можно потеряться.

Мы приехали точно к назначенному часу, и у зеркал уже было не протолкнуться.

Леди Алария стояла, окружённая юными леди, которые восторгались её прекрасным платьем. Особенно всех восхитила такая деталь туалета, как цепочка вместо пояса вокруг талии.

– Это так нежно! – хвалили девушки. – Так тонко!

– Сама королева носит такую, – похвалилась Алария.

Я тоже подошла посмотреть, потому что это и в самом деле было очень красиво. Алария вдруг потянула носом, оглянулась, и, увидев меня, широко распахнула глаза:

– Это вы, леди Бланш? Давно с вами не виделись. Выглядите чудесно... От вас пахнет шоколадом и ванилью... м-м-м! Какой приятный аромат! Что это за духи? Столичные? Последняя мода?..

Девушки вокруг засмеялись, шутка показалась им необыкновенно смешной. Матушка не позволила мне ответить – подошла и взяла под руку:

– Пойдем, Бланш, поправлю тебе причёску, – сказала она ласково и увела меня в сторону.

– И как только таких пускают в приличные дома, – сказала Алария словно между делом и не о нас, поворачиваясь к подругам.

– Не расстраивайся, – прошептала матушка мне на ухо. – Она глупа, но ссориться с ней было бы ещё глупее.

– К тому же, от меня и в самом деле пахнет ванилью, – засмеялась я, но смех поучился невесёлым.

Мы постарались не задерживаться в дамской комнате и поскорее перешли в зал, где музыканты уже настраивали инструменты.

Это была самая красивая и богатая комната, какие только мне приводилось видеть. Пол здесь был паркетный, а люстры – кованые, в виде виноградных лоз. Малиновые портьеры спускались от потолка до пола, и горели тысячи свечей. Слуги уже расставляли на маленьких столиках закуски, сладости и графины с вином, чтобы каждый мог подойти и взять, что душа пожелает. Это было новшество – отдельные столики без стульев. Некоторые гости – те, кто постарше, принялись ворчать, что лучше было бы устроить приём по старинке, но увидев вдоль стен мягкие диваны, кресла и стулья, сменили раздражение на милость.

– Сколько свободного места! – восхитилась Констанца. – Я буду танцевать всю ночь!

Мы встали в стороне, но не совсем в углу, и смотрели, как прибывают гости.

Не все приглашенные оказались столь же спесивы, как Алария. Многие подходили к нам, разговаривали с матушкой и были чрезвычайно любезны.

Разумеется, в основном разговоры вертелись вокруг де Конмора, и все повторяли одно и то же: снова вдовец, снова решил жениться. Леди Медоус, делая необыкновенно таинственное лицо, сообщила, что граф овдовел при крайне странных обстоятельствах. А леди Тэмзин под страшным секретом поведала, что в столице о графе ходили дурные слухи – якобы он привораживает девушек какими-то снадобьями, ни одна не может ему отказать. Нам с сёстрами не полагалось слушать подобные разговоры, но хотя мы и стояли поодаль от взрослых дам, всё равно слышали их болтовню от первого до последнего слова. Матушке было неловко, и она попыталась свести всё на шутку:

– Может, юные леди не могут отказать его богатству?

– А он и правд очень богат, – произнесла леди Медоус. – Стал особенно богат после смерти последней жены.

– Она была седьмая по счету, бедняжка! – воскликнула леди Тэмзин, но в это время распорядитель бала встряхнул трость, увешанную бубенчиками, привлекая внимание гостей.

– Граф де Конмор приветствует вас! – объявил распорядитель.

Двустворчатые двери распахнулись, и появился хозяин торжества.

На нём был все тот же чёрный с серебром камзол, который я уже видела однажды, и даже ради праздника граф не сбрил бороду. Я подумала, что он нелепо выглядит среди щеголеватых гостей в разноцветных нарядах, и вдруг пожалела его. Наверное, ему неловко находиться здесь, как и мне. Он был так не похож на остальных, так выделялся из пестрой толпы, что я всем сердцем ощутила его одиночество. Возможно, очередная женитьба – способ избавиться от одиночества, а не преумножить богатства?

Но я тут же убедилась, что ошибаюсь.

Граф не испытывал никакой неловкости. Он поклонился гостям с изяществом и достоинством, и произнес небольшую приветственную речь. Говорил он громко, хорошо поставленным голосом и прекрасно владел собой на публике, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, чтобы никто из приглашенных не почувствовал себя обделенным вниманием. Я постаралась незаметно шагнуть за спину Констанцы, желая спрятаться.

Мне не повезло, и я столкнулась с Аларией, которая как раз решила выйти вперед, чтобы встать в первом ряду. Я наступила ей на ногу, и леди громко вскрикнула.

– Какая же вы неуклюжая, леди Бланш! – сказала она укоризненно.

Конечно же, все сразу обернулись в нашу сторону.

Я пробормотала извинения, молясь, чтобы граф не заметил меня, а если заметил – то не узнал бы.

Закончив речь, граф приказал музыкантам играть, а сам подошел к судье и его супруге. Алария поспешила к родителям, и вскоре уже стояла перед де Конмором, кланяясь и улыбаясь уголками губ, как и положено воспитанной благородной девице.

Мои же сёстры обсуждали графа. Впрочем, этим занималась сейчас половина зала, а вторая половина старалась подобраться к господину Ренна поближе, чтобы заговорить с ним.

– Это – граф де Конмор?! – воскликнула Констанца, ничуть не заботясь, что её могут услышать. – Какой он страшный!

Матушка тут же ущипнула её, но сестра не унималась:

– Но он страшный! Бородатый! Фу! Неужели у него нет цирюльника?

Анна тоже смотрела на графа во все глаза. Но её больше разочаровало, что борода была все-таки чёрной, а она ожидала синюю, о чём не замедлила заявить.

– Думаете, он действительно очаровывает женщин приворотными зельями? – спросила она. – Леди Сплеторе говорила, что стоит ему подмешать это зелье в вино, как ни одна девица не может ему отказать. Она рассказывала, что при дворе короля многие девицы стали вовсе не девицами после того, как испили с графом из одного бокала.

Матушка возмущенно ахнула, шокированная, что её благовоспитанная дочь рассуждает на столь фривольные темы.

– Леди Сплеторе очень много говорит, – поспешила вставить я. – И не всегда то, что соответствует действительности.

Но мне сразу вспомнились визит Сильвани и сладковатый аромат незнакомой пряности. Нет дыма без огня – так говорят. Может и в сплетнях есть зерно правды?

– Он пугает, но и притягивает, – сказала Анна. – И не поймешь, чего в нем больше – страшного или притягательного. Какой интересный человек. Ты не находишь, мама?

– Всякий человек, наделенный властью и богатством, кажется интересным, – засмеялась матушка. – Но вам, юные леди, я бы посоветовала обратить внимание на молодых людей попроще.

– Я бы не посмотрела на графа, останься он последним мужчиной на свете! – горячо заявила Констанца.

– Не слишком умно сказано, – заметила матушка.

– Зато правдиво! – не сдалась моя сестра.

Но матушка нежно потрепала её по щеке:

– Правда в том, что вы, мои девочки, ему не пара.

– Конечно, не пара, – подтвердила Констанца. – Мы ведь красивые!

– О да! – согласилась матушка. – И совсем небогатые!

Констанца сделала вид, что не расслышала и огляделась, нетерпеливо пристукивая носком туфельки по паркетному полу:

– Когда уже начнутся танцы? У меня ноги горят, как я хочу танцевать!

– Терпение, моя милая, прояви терпение, – посоветовала матушка. – Думаю, танец холо-
стяков скоро объявят.

– Нам надо встать поближе к середине зала, чтобы нас заметили и пригласили, – Констанца схватила меня и Анну за руки и смело вышла почти на середину.

Справа от нас расположилась леди Алария со своими подругами. Графа нигде не было видно, и леди Алария заметно скучала. Наше появление немного развеяло её скуку.

– Вы прекрасно выглядите, леди Констанца! – позвала она. – Вы ждёте кавалера, который пригласил бы вас на первый танец? Присоединяйтесь к нам, так у вас будет больше шансов.

Мы с Анной переглянулись, а Констанца не распознала насмешку и радостно вспорхнула с места, вливаясь в толпу подруг леди Аларии. Нам с Анной ничего не оставалось, как тоже подойти ближе.

Музыканты заиграли бравурное вступление, и все незамужние девушки, находившиеся в зале, заволновались. Первый танец – это важно. Во время первого танца надо показать себя во всей красе, потому что второго шанса потанцевать у тебя может и не быть, если никто больше не захочет тебя приглашать. А во время первого танца распорядитель бала строго следит за тем, чтобы каждая незамужняя барышня была приглашена.

Есть и другое, о чем шепчутся девушки, мечтая о первом танце на балу. Говорят, кто пригласит тебя в первый раз – тот напроорочит тебе всю жизнь. Пригласит молодой красавец – и муж будет молодым и красивым. Пригласит женатый – будущий муж станет изменять. А если пригласит коротконогий и с неприятным лицом, то и замуж выйдешь за смешного уроды.

Именно поэтому все девушки с трепетом и волнением ждали первого приглашения. Что касается меня, я была на подобном празднике только один раз – когда мне исполнилось четырнадцать, и папа был ещё жив. Но до шестнадцати лет не полагается танцевать – ты просто сидишь рядом с матушкой и завидуешь старшим сёстрам. Что же ждет меня сейчас? Я попыталась убедить себя, что не верю в глупые суеверия. Какая разница – кто пригласит? На мою жизнь это приглашение не окажет никакого влияния.

Первых счастливиц уже разбирали кавалеры. К Констанце подошел высокий юноша, красивый, как языческий бог, и моя сестра, покраснев от удовольствия, изящно положила свою белую ручку в его ладонь.

– Смотрите, граф пригласил дочь лорда Чендлея, – сказала одна из девушек.

Алария сказала равнодушно, передернув плечами:

– Это просто жест вежливости. Посмотрим, кого милорд пригласит во второй раз – вот это будет его истинным желанием.

Почему-то слова Аларии меня задели. Хотя – какая разница, кого приглашает граф?

– Леди Доротея очень мила, – сказала я. – Почему вы думаете, что граф танцует с ней по принуждению?

– О, по-моему, вас тоже хотят пригласить, леди Бланш, – сказала Алария, указывая пальчиком за мою спину.

Я обернулась с колотящимся сердцем, ожидая если не чуда, то хотя бы его отголоска. Реджинальд?.. Или...

Сначала я никого не увидела, потому что искала лицо мужчины, решившего пригласить меня на танец, на уровне своего лица.

Но осторожное покашливание заставило опустить взгляд.

Передо мною стоял господин Маффино в своем ужасном красном камзоле, которым он так гордился. Только зелёный шарф сейчас сбился комком, а лицо торговца выражало настоящий ужас.

Алария засмеялась звонко, как серебряный колокольчик, а я покраснела, не понимая, зачем хозяину лавки надо было ставить меня в такое нелепое положение, приглашая на первый танец.

– Господин Маффино! – только и смогла я прошептать укоризненно.

Но вместо того, чтобы подать мне руку, лавочник соединил ладони в молитвенном жесте и забормотал:

– Леди Бланш! Позвольте на два слова... Только на два слова...

Я последовала за ним, потому что находиться в компании Аларии дальше было невозможно. Сейчас она начнет потешаться надо мной, а ответить ей я не смогу, потому что матушка просила не ссориться.

– Что случилось? – спросила я у господина Маффино крайне нелюбезно.

– Бланш, ты должна помочь, – он промокнул лоб, с которого пот катил градом. – Безе... они погибли!..

– Безе?

Хрустящие пирожные, которые я за два дня до этого готовила с такой осторожностью раскладывала в плетенки? Погибли?..

– Только этого не хватало, – вздохнула я.

Видно, не судьба мне была танцевать танец холостяков. Что ж, придется смириться.

– Идёмте, – сказала я хозяину, вздохнув ещё раз. – Посмотрим, что там стряслось.

Мы постарались покинуть танцевальный зал незаметно, а потом бегом бросились в кухню. Плетёнки с безе стояли на столе, уже открытые, и слуги вынимали из них поломанные белоснежные полусферы.

– Как же такое могло случиться? – мне оставалось лишь всплеснуть руками, потому что все мои труды по взбиванию белков и отсаживанию на противень одинаковых комочков объемом в одну чайную ложечку, пошли прахом. – Да тут и сотни целых не наберется!

– Бланш, придумай что-нибудь! – господин Маффино вцепился себе в волосы. – Безе вписаны в расчет! Представь, что будет, если я их не подам?!

– Уверена, милорд граф этого и не заметит, – проворчала я, но надела и подвязала фартук, который мне протянули.

Осмотр корзин дал неутешительный результат. Чтобы подать две тысячи безе, как планировалось – об этом не могло быть и речи. Вытряхивая белую крошку в серебряные тазы, я лихорадочно размышляла, как скрыть жалкий вид поломанных пирожных. Может, склеить их кремом?..

– У вас есть сливки? – спросила я повара.

– Нет, леди, осталась только сметана, – ответил тот.

– Хм... сметана... – я задумчиво смотрела на погибшие безе, а господин Маффино боялся побеспокоить меня хоть словом, замерев наподобие статуи гнома из Реннского парка. – Хорошо, пусть будет сметана.

– Ты что-то придумала? – оживился Маффино.

– Да, – коротко ответила я, – мы сделаем сметанный крем и польём безе. Подадим их, как торт. Украсим шоколадом и орехами – и никто не увидит, что пирожные сломаны.

– Польём сметанным кремом? – Маффино наморщил лоб, представляя, как это будет выглядеть.

– Сделаем их порциями на четырёх человек, – командовала я. – Кладите безе, прослаивая кремом, в три ряда, сверху. Я сделаю глазурь.

Через минуту кухня превратилась в настоящее поле боя по спасению погубленных пирожных. Господин Маффино давал указания по приготовлению крема, а я разбила деревянным пестом куски питьевого шоколада и побросала их в кипящее молоко. Зёрен ванили у нас не было, а бежать за ними в лавку было бы слишком долго, но я понадеялась, что аромата ванили хватит за счет самих безе, а шоколад будет хорош и такой – густой, с терпким ароматом горечи, он прекрасно сбалансирует сладость пирожных и кислинку, присутствующую в сметане.

Вскоре был готов крем – лёгкий, пышный, и господин Маффино собственноручно обмазал им каждую порцию торта, сетуя, что десерту не хватает изысканности во внешнем виде. Одна порция предназначалась для пробы, и её-то мы первой полили растопленным шоколадом и посыпали толчеными орехами. Маффино взял чистую ложку, зачерпнул краешком хрустящее безе в облаке крема, с шоколадными каплями и золотистыми ядрышками орехов, и осторожно попробовал новое кушанье.

По мере того, как он жевал, лицо его прояснилось и вскоре выразило полный восторг:

– Он похож на каменные плиты, но удивительно легкий! Он как зимний поцелуй! Ты – чудо, Бланш!

– Конечно, чудо, – пробормотала я, развязывая фартук.

Бросив его на лавку, я повернула голову и увидела графа де Конмора. Никем не замеченный, он стоял в коридоре и смотрел, как мы суетимся, спасая сладости. Давно ли он наблюдает за нами?!

Поймав мой взгляд, граф вопросительно поднял брови и небрежно скрестил руки на груди, словно выказывая удивление по поводу моего странного для благородной девушки занятия, а я резко отвернулась, закусывая губу. Я совсем не мечтала, чтобы после всего, что произошло, граф увидел меня в фартуке, перепачканную сахарной пудрой, красную от кухонного жара – и это во время предновогоднего приёма, когда все остальные леди танцуют и любезно улыбаются кавалерам.

– Давай так и назовем его, Бланш? – заливался соловьем господин Маффино соловьем. – Зимний поцелуй!

– Нет, мы назовем этот торт по-другому, – сказала я сквозь зубы.

– Как же? – полюбопытствовал хозяин.

– Вы же сказали, что торт похож на каменные плиты? Пусть будет торт «Развалины графского замка»! – выпалила я.

Позади раздался смешок, но когда я оглянулась – в коридоре уже никого не было. Граф исчез так же бесшумно, как и появился.

Прежде чем вернуться, я придирчиво рассматривала собственное отражение в зеркале – не хватало еще появиться перед гостями перепачканной сахарной пудрой или с шоколадным пятном где-нибудь на платье. Но все было в порядке, и я проскользнула в зал, надеясь, что матушка не заметила моего отсутствия.

Матушка не заметила, потому что была увлечена беседой с молодым человеком, одетым в изысканный синий камзол, сшитый точно по фигуре – как носят в столице. Удивительно, каким образом господам рыцарям удается двигаться в подобных одеждах, и почему эти новомодные камзолы не трещат по швам, когда господа поднимают руки. Я встала рядом с матушкой, стараясь не слишком привлекать к себе внимания – как будто я стояла здесь все это время.

– Констанца особенно хороша, – говорила матушка, продолжая разговор. – Джерард был бы счастлив увидеть её такой красивой, такой довольной...

– Да, Констанца просто создана и для этого зала и для этого паркета, – засмеялся молодой человек, следя взглядом за моей сестрой, которая порхала в танце, скромно улыбаясь своему кавалеру – миловидному и щеголеватому молодому человеку, только в темно-зелёном камзоле. – Но я бы хотел встретиться с Бланш.

Я удивленно встрепенулась.

– Она сейчас придет, – сказала матушка со смехом. – То есть надеюсь, что придет. Ведь я понятия не имею, куда она убежала. Она такая же неуловимая, как в то время, когда вы были совсем еще малышами.

Теперь засмеялся и молодой человек. Потом он оглянулся – и замолчал, увидев меня.

– Реджи? – я смотрела на своего друга по детским играм в радостном изумлении. – Никогда бы тебя не узнала!

И в самом деле – из тощего подростка он превратился в широкоплечего, очень привлекательного юношу. Голубые глаза по-прежнему светились задором, но взгляд этих глаз показался мне незнакомым, далеким. Это был взгляд человека, который многое повидал, многое знает и обо всём имеет своё собственное мнение. В нём не осталось ничего от бесхитростного мальчишки, и я вдруг огорчилась, понимая, что все эти годы у Реджинальда была своя жизнь, никак не связанная со мной, с Ренном, и с нашим общим прошлым.

– Неужели я так переменялся? – спросил Реджинальд. – А вот я тебя сразу узнал. Твоя улыбка осталась прежней. Как поживаешь, Бланш?

Я не успела ответить, потому что заиграли популярный танец «На четыре угла», и Реджи протянул мне руку, приглашая танцевать.

– Вот и правильно, – поддержала его намерения матушка, – лучше всего беседовать в танце.

Я вложила руку в ладонь Реджи, и он увлек меня в круг танцующих.

«На четыре угла» – это даже не танец. Это возможность перетанцевать со всеми. Музыка длится долго, несколько раз происходят смены пар, и можно наговориться вдосталь без строгих матушек и тётушек.

Реджи лихо притопнул, начиная движение, и я притопнула в ответ, позабыв, что все могут увидеть мои потрепанные туфли. Три прихлопа, соприкоснуться ладонями, поворот, ещё поворот...

– Отлично танцуешь, Бланкетта! – поддразнил Реджинальд, вспомнив мое детское прозвище. – А на «корзиночку» осмелишься?

– Осмелишься ли ты? – засмеялась я.

Мы переплели руки и прошли несколько кругов бок о бок, ни разу не споткнувшись и танцуя так, словно только этим и занимались всю жизнь.

Реджинальду были известны большинство танцевальных фигур. И если многие кавалеры в зале не могли похвастаться грацией и знанием танцевальной науки, то Реджинальд вёл меня легко и ловко, привлекая всеобщее внимание. Я была уверена, что и ему понравилось танцевать со мной, потому что когда произошла смена партнеров, он постоянно высматривал меня в толпе и кивал, к огромному неудовольствию его новой партнерши.

Что касается меня, то я купалась в музыке, в улыбках и комплиментах, которые, наконец-то получала от молодых людей. Один раз мне пришлось танцевать с самим судьей, и он после долгого хмыканья и откашливания сказал, что у меня чудесная улыбка, и что от неё на сердце теплеет. Я была так счастлива, что тут же простила его дочь за обидные слова. Какая разница, что там болтает Алария? Надо радоваться, а не копить злобу!

Граф тоже танцевал, и я время от времени посматривала на него. Он двигался легко, хотя и не так ловко, как Реджи, а его партнершам было и вовсе неудобно – почему-то граф упорно подавал им в танце левую руку. Он прошёлся с Констанцей, и, судя по выражению лица моей сестры, она не смогла даже ответить ему, когда он заговаривал. Танцевала с ним и леди Алария. Вот её точно не сковывало смущение. Она что-то рассказывала графу – прищуривая глаза и с выражением, он даже пару раз усмехнулся, слушая её. С замиранием сердца я ждала, когда придёт моя очередь танцевать с хозяином праздника. Мысленно я готовила себя к непринужденной беседе, и если граф вздумает насмешничать по поводу моих кулинарных способностей, я отвечу ему со спокойным достоинством.

Но когда мы очутились лицом к лицу, я почувствовала, что вся моя решимость растаяла, как лёд по весне.

Руки наши соприкоснулись, и это прикосновение заставило меня вздрогнуть. Анна права – в графе с избытком и отталкивающего, и привлекательного. Отталкивающего, на мой взгляд, больше. Но вот он повёл меня в танце, и я не пошла – а полетела по паркету. Трижды мы обошли зал, и по правилам этикета надо было бы начать беседу, но и я, и граф молчали.

Наконец он заговорил и начал с вежливой похвалы:

– Мне даже в столице нечасто встречались такие приятные партнерши. В танце, разумеется.

И хотя в его словах не было ничего оскорбительного, я покраснела. Но молчать, как провинциальная барышня, не собиралась и сказала:

– Возможно, всё дело в том, что вы подаете партнершам левую руку, это не так удобно.

– Правая рука – только для моей жены, – так же вежливо произнес граф, а я снова залилась краской до ушей.

Теперь я мечтала только о том, чтобы танец закончился поскорее. Но вот снова произошла новая смена партнеров, и я очутилась в объятиях Реджинальда.

– Уделишь мне минутку? – спросил он тихо, проводя меня по залу в последний раз. – Хочу поговорить с тобой наедине.

Я передернула плечами, потому что была слишком взволнована, и взволнована вовсе не потому, что Реджинальд попросил разговора. Реджи проводил меня к матушке, задержался, чтобы поболтать, а потом извинился, что должен нас покинуть:

– Всегда хотел посмотреть зимний сад в графском доме, – сказал он со смехом, – и очень рад, раз выдалась такая возможность.

Он многозначительно посмотрел на меня и ушёл, а матушка закашлялась, скрывая смех.

Я продолжала стоять столбом, ничего не видя перед собой. Граф ни словом не выдал, что узнал меня – разве не на это я надеялась? Но почему же ощутила такое сильное разочарование? Разве я ждала извинений? Нет. Тогда почему?..

Констанца и Анна присоединились к нам, и их кавалеры долго не покидали нас, рассыпаясь в комплиментах. Матушка принимала восторги по поводу обеих дочерей со спокойным достоинством, как и полагалось почтенной вдове, но когда молодые люди покинули нас, спросила:

– Все рыцари сейчас так выглядят? Они томные и нежные, как девушки! Ваш покойный отец принял бы их за манерных леди.

– Мама, ты ничего не понимаешь, – возразила Констанца, стреляя глазами. Надо сказать, получалось это у нее отменно – как будто сполохи голубых искр рассыпались из-под ресниц. – Сейчас в моде изысканность, а не грубая сила. А папочке понравился бы милорд граф – вот где ни капли изящества и утонченности.

– Танцует он очень изящно, – возразила Анна. – Правда, Бланш?

– А? – я посмотрела на сестру, словно только что проснулась.

– Граф хорошо танцует, верно? – повторила Анна. – На что это ты смотришь?

– Похоже, Бланш всё ещё под впечатлением от танца, – промурлыкала матушка, подталкивая меня локтем.

– Не знаю, – упорствовала Констанца. – Как по мне – нет здесь человека, более отвратительного, чем граф. По сравнению с ним меркнет даже леди Пьюбери, а у неё бородавки по всему лицу.

– Нельзя так говорить, – осадила её матушка.

Но Констанцу было не унять:

– Но он бородатый, мама! Это неприлично!

– Ну и глупа же ты, Констанца, – вздохнула Анна. – Король тоже носит бороду, если тебе известно.

– Ой, можно подумать, ты видела короля! – не осталась в долгу Констанца.

– Тише! – шикнула на них матушка. – Сейчас объявят королеву бала.

Глава 4

Мои сестры захлопали в ладоши, как и все барышни в зале. Я тоже захлопала, потому что даже зная, что титул королевы бала мне не грозит, волнение и надежда всё равно охватили душу. Наверное, не было сегодня ни одной девушки, которая не возмечтала бы о чуде – о чуде мечтали даже дурнушки, даже те, кто прекрасно понимал свою ничтожность.

Распорядитель от имени графа поблагодарил всех гостей, почтивших своим присутствием праздник, и объявил, что на правах хозяина господин де Конмор выберет королеву сегодняшнего вечера, вручив ей, по обычаю, веточку плюща.

Музыканты заиграли что-то нежное и мелодичное, и граф де Конмор взял у распорядителя бала заветную для всех девушек награду – ветку плюща, прикрепленную к серебряной булавке. Сама по себе булавка была дорогой вещицей, а вкупе с титулом первой красавицы, полученным от господина города Ренна, подарок обещал стать бесценным.

Матушки, тётушки и бабушки тут же вытолкнули вперед своих юных дочерей, племянниц и внучек, и даже нас троих матушка выставила в одну линию перед собой. Я видела, что платочек в её руках дрожал, хотя она и старалась не выказывать волнения.

Граф медленно шёл вдоль двух шеренг разнаряженных юных леди, и его приближение заставляло девичьи лица светиться от радостной надежды. Когда он проходил мимо, на розовые от волнения мордашки набегала тень разочарования.

– Боже, он идет к нам! – прошептала Анна, и матушка ущипнула её, шепнув, чтобы молчала и улыбалась.

А граф и в самом деле направлялся к нам, и смотрел в мою сторону. Я сморгнула, чтобы избавиться от наваждения, но ничего не изменилось – пристальный взгляд графа словно пригвоздил меня, лишив возможности двигаться.

– Спины ровнее! Держите ровнее спины! – шептала нам матушка.

Я почти не слышала её слов. А почему бы графу не сделать королевой бала меня? Нет, я вряд ли понравилась ему больше остальных, но... он целовал меня. Значит, признал мою миловидность. И такой жест был бы извинением за то оскорбление, что он мне нанес, и благодарностью за спасенные праздничные лакомства.

И если вот сейчас... сейчас...

Граф приблизился, и дамы в зале приглушенно загомонили, потому что его намерения теперь были более чем очевидны. Я и сестры поклонились ему одновременно – сказалась школа матушки, которая во всем любила четкость и порядок. Но если сестры склонили головы, как и подобало благовоспитанным леди, то я не смогла оторвать глаз от графа. Он тоже смотрел только на меня – теперь не могло быть ошибки. Я почувствовала себя абсолютно, невероятно счастливой и улыбнулась ему.

Он выдержал паузу, а потом с поклоном протянул веточку плюща Констанце. Та не смогла её взять – так сильно у нее тряслись руки. Под бравурные звуки оркестра и аплодисменты матушка проворно выхватила у графа серебряную булавку и приколола к платью Констанцы.

– Благодарю, милорд, – сказала мама, потому что Констанца только шевелила губами, не в силах произнести ни звука. – Моя дочь – признанная красавица Ренна! Ваше отличие – огромная честь для нашей семьи.

Он снова поклонился и оставил нас, даже не заговорив с Констанцей, которую сразу окружили с поздравлениями. Её тормошили, как куклу, а она стояла вся пунцовая, не веря свалившейся удаче. Наверное, только я смотрела не на неё, а на графа. Уходя, он оглянулся через плечо, и наши взгляды опять встретились.

«Зачем же вы так поступили?», – мысленно спросила я.

Несмотря на разочарование, я удержала улыбку, но теперь даже не замечала её – лицо словно застыло. Я тщетно пыталась прочесть в глазах графа ответ, но легче было бы прочесть надписи на древних плитах эльфийских камней.

Наверное, он просто посмеялся надо мной. Решил, что шоколадница недостойна быть признана королевой.

Всё это я осознавала, не в силах двинуться с места. А меня толкали со всех сторон, потому что важные леди и юные барышни спешили поздравить Констанцу... или позавидовать ей.

Моя сестра стояла в окружении своих неудачливых соперниц, и те пожимали ей руки, осторожно прикасались к заветной награде и щебетали, щебетали и щебетали...

– Он выбрал Констанцу, – сказала вдруг леди Медоус, и голос её прозвучал в девичьем щебете, как карканье.

Констанца услышала это и испуганно оглянулась.

– Конечно, ведь моя дочь – самая красивая девушка в Ренне, – ответила матушка. – Она получила этот титул заслуженно.

– Вы не поняли, моя дорогая, – настаивала леди Медоус, и её голос становился всё более скрипучим. – Он выбрал её. Констанца станет следующей графиней де Конмор.

– Только надолго ли? – печальным эхом ответила леди Тэмзин.

Констанца побледнела и рухнула, как подкошенная.

Мы с Анной успели подхватить её, но не удержали, потому что тело сестры стало вдруг тяжёлым, как камень. Я упала на колено, обнимая Констанцу за талию, и надеялась только, что не растянусь на полу, на потеху гостям.

Но на помощь уже бросились мужчины, Констанцу подняли сразу пять пар рук и бережно перенесли на диванчик.

Кто-то принялся обмахивать её платочком, а матушка чуть с ума не сошла, то похлопывая Констанцу по щекам, то растирая ей ладони, и ласково умоляла дочку открыть глаза.

– Бедная девочка в ужасе от своей страшной судьбы, – изрекла леди Медоус. – Такая юная, такая красивая... Ах, как это всё трагично...

– Не говорите глупостей! – отрезала матушка, обрывая рассуждения леди Медоус. – Признание красоты моей дочери – это не брачное предложение.

– Помните моё слово, дорогая Леонидия, – пророчески предвестила леди Медоус, и я почувствовала желание швырнуть в её толстое лицо бисквитное пирожное со взбитыми сливками.

– Что со мной? – спросила Констанца слабым голосом, и матушка склонилась над ней. – Мне плохо... Можно глоток воды?..

Молодые господа наперегонки помчались за водой. Слава Констанцы росла – это было несомненно.

Вскоре Констанца окончательно пришла в себя и улыбнулась, показывая, что с ней всё хорошо. Ей шла даже бледность после обморока. Убедившись, что с сестрой всё в порядке, я отступила от дивана, на котором она теперь сидела, облокотившись на услужливо предложенную подушечку. Матушка отошла вместе со мной, уступив место молодым господам, которые спешили высказать Констанце пожелания доброго здоровья.

– А теперь иди, – сказала мне матушка, не поворачивая головы. – Реджинальд уже заждался.

– Мама! – воскликнула я, оглядываясь – не слышал ли кто.

Но мы стояли в стороне ото всех, и матушка могла позволить себе некоторую фривольность.

– Можно подумать, я не в состоянии заметить взгляды, которыми вы обменивались с Реджинальдом, – сказала она, поправляя ленты и оборки на вороте и рукавах моего платья. – А

уж когда бравый молодой человек объявляет, что всю жизнь мечтал увидеть пальмы в горшках и восточный тростник в ящике... Тут и я догадаюсь, что это неспроста.

– Не пойду, – сказала я решительно.

– Сходи, – матушка пожала мне руку. – Кто знает, что произойдет сегодня. Вдруг чудо? Будет обидно, если волшебство ждёт тебя в зимнем саду, а ты из ложного упрямства откажешься туда зайти.

– Хорошо, сделаю, как советуешь, – сдалась я.

– И поступишь совершенно правильно.

Никем не замеченная – потому что все хлопотали вокруг моей сестры, я покинула танцевальный зал. Зимний сад был открыт для посещений, но свет в нём был приглушённым. Горели только светильники при входе, да снаружи лился свет фонарей.

Я шла между экзотическими растениями, высматривая Реджи, но в саду было пусто и тихо. Внимание моё привлек удивительный цветок – с белыми плотными лепестками, матовыми, словно бы восковыми, и с белой лепестковой коробочкой, из которой торчал жёлтый язычок. Я подошла ближе, потому что узнала исходящий от цветка аромат. Так пахли стручки ванили. Я никогда не видела цветущую ваниль, поэтому не удержалась от любопытства рассмотреть растение поближе.

Но вдруг чьи-то руки закрыли мои глаза, и у самого виска я почувствовала осторожное дыхание.

В первую секунду я растерялась и – что скрывать? – испугалась.

– Кто это? – спросила я дрогнувшим голосом.

Мне не ответили, и я коснулась пальцев, закрывавших мои глаза. За мной стоял мужчина – руки были совсем не женские. Но последовавшие за этой ребячливой выходкой слова развеяли страхи:

– Я ждал очень долго, Бланкетта. Как станешь извиняться за опоздание?

– Реджи! – выдохнула я с облегчением.

Он отпустил меня, и я обернулась. Конечно же, это Реджинальд собственной персоной. Так он развлекался ещё в детстве и сейчас остался верен привычкам.

– Ты хотела видеть кого-то другого? – спросил он в шутку, но я всё равно умудрилась покраснеть.

Хорошо, что в саду было достаточно темно, и моего румянца Реджинальд не заметил.

– Кто ещё может тут прятаться, когда праздник в разгаре? – засмеялась я, скрывая смущение.

Находясь в полутьме наедине с Реджинальдом, я чувствовала неловкость и приписывала её тому, что отвыкла от своего друга детства.

– А вот ты зря ушел слишком рано. Ты пропустил выборы королевы бала.

– Не думаю, что мне было бы это интересно, – сказал Реджинальд, усаживаясь на скамейку под огромным фикусом. – Только если королевой бала выбрали тебя. Выбрали тебя?

– Нет, Констанцу, – я погладила цветок ванили и поднесла руку к лицу, чтобы ощутить нежный запах, напомнивший о свежей выпечке. – И я очень благодарна графу за это. Мне кажется, он поступил справедливо. Констанца – самая красивая в Ренне.

– Я назвал бы королевой бала тебя, – сказал Реджинальд, поглядывая на меня снизу вверх. – Ты стала такой красивой. Как ты жила эти годы, Бланш? Леди Леонидия рассказала мне, что ты работаешь в лавке сладостей. Я ведь не поверил сначала.

– В этом нет ничего постыдного!

– Я не говорил про постыдное, – Реджинальд поймал мою руку и погладил, нащупывая мозоли на ладонях. – Но это не для тебя.

– Увы, мы предполагаем, а небеса располагают, – отшутилась я, осторожно высвобождая пальцы из его ладоней. – Сам-то ты чем занимался всё это время? Мы ничего о тебе не слышали. Как твои родители?

– Умерли два года назад.

– Сожалею, – теперь уже я взяла его за руку и сочувственно пожала. – Как это произошло?

– Они ведь были немолоды, – Реджи пожал плечами. – Отец сильно простудился, мама ухаживала за ним, а когда он умер – тоже слегла. Она очень любила его.

– Да, я помню...

Мы помолчали немного, потому что я не знала, что надо сказать. Все слова казались слишком грубыми и ненужными. Но Реджи прекрасно понял мое молчание. Так мне казалось.

– Бланш, – позвал он.

– Да? – откликнулась я.

– Я ждал тебя долго, о многом успел подумать, и решил, что не надо тянуть. Я хочу, чтобы ты знала, со времени моего отъезда из Ренна моё отношение к тебе не изменилось. Выходи за меня замуж, если и твои чувства остались прежними?

– Ты всегда шутил не смешно, – сказала я. – Оставим этот разговор.

– Нет, не оставим. Пока я не очень богат, но скоро удача мне улыбнется, и я смогу обеспечить тебя. Ты ни в чём не будешь нуждаться.

– Вот тогда и поговорим! – засмеялась я. – Если до этого времени ко мне не посватается король Мухляндии!

– Но я не хочу ждать... То есть ждать долго. Обдумай всё и ответь мне как можно скорее.

– Смотри, здесь есть даже лимонное дерево, – сказала я, пытаюсь переменить тему, потому что слова Реджинальда связали меня, словно цепями. – Впервые вижу лимон в горшке – как комнатное растение!

– Бла-а-нш, – протянул Реджи, – ты совсем не слушаешь меня.

Моё терпение окончательно испарилось.

– Прости, Реджи, – сказала я, резко поворачиваясь к нему. – Но то, что ты говоришь – мне это не подходит. И ты не можешь этого не понимать. Выйти замуж раньше, чем Констанца и Анна – это позор для нашей семьи.

– Мы обвенчаемся тайно, репутации твоих сестер ничего не будет угрожать.

– А если узнают, Реджи?! – изумилась я ещё сильнее. – Да и как мы будем жить с этим? Больше всего я ненавижу подобные секреты! У них есть свойство – рано или поздно раскрываться. И раскрываются они, как правило, очень не вовремя.

– Это не наш случай, – Реджинальд начал заметно горячиться. – Никто не узнает, клянусь тебе, Бланш. Если ты сама не скажешь.

– Не уверена, что смогу удержать это в секрете от матушки. А она огорчится, когда узнает, что я так поступила. Это предательство по отношению к сёстрам. Папа очень хотел видеть их счастливыми, замужем за достойными людьми. Я делала всё, чтобы папина мечта сбылась. И вот теперь поставить их судьбу под удар? Забыть о годах моего труда? Ты не понимаешь, у нас и так нет приданого, а если я выкину что-то подобное, моих сестёр вообще никто не возьмёт замуж.

– Их и так никто не возьмет! – повысил голос Реджинальд. – Глупые, как гусыни, твои сестры. Пока ты надрываешься в лавке этого жулика Маффино, они только и делают, что грызут орехи и мечтают о богатом муже.

Что скрывать? Порой я и сама так думала, но слова Реджинальда о моей семье задели больше, чем можно было представить.

– Не говори о них подобным тоном, – сказала я тихо. – Я сама выбираю свою жизнь, они здесь ни при чём.

– Они сели на тебя и поехали, – отрезал он. – А ты везешь их с покорством деревенской лошади.

– За такие слова тебе полагается пощечина, – сказала я, стараясь держаться спокойно и не выдать, как обидели меня эти сравнения. – Но в память о твоих родителях я просто уйду. Вот ещё один довод против нашей свадьбы. Мы слишком разные.

– Нам всегда нравилось одно и то же, если помнишь!

– Да, когда-то, – согласилась я. – Но жаль, что ты так изменился. И что ты уже не тот Реджи Оуэн из соседнего поместья, которого я когда-то знала и любила.

Я и в самом деле хотела уйти, но Реджинальд схватил меня за руку.

– Прости, Бланш, – сказал он покаянно. – Погорячился, наговорил глупостей... Мне и правда больно видеть, как ты загоняешь себя ради них.

– Спасибо за участие в моей судьбе, а теперь отпусти.

– Не такой я представлял себе нашу встречу, – сказал он, продолжая удерживать мою руку. – Ты даже не поцеловала меня. А ведь когда мы прощались...

– Реджи! – ахнула я. – Мы были детьми, если ты помнишь! Всё это несерьезно...

– А для меня – более чем серьезно, – объявил он и вдруг обнял, потянувшись губами.

– Что это ты выдумал? – я уперлась ладонями ему в грудь, пытаюсь отстраниться.

– Бланш, ведь я ни на секунду о тебе не забывал. Даже в столице я не встречал никого, хоть немного похожего на тебя.

– Я тоже о тебе вспоминала, но это не значит...

Но Реджинальд не слушал моего лепета. Он уверенно и с явным знанием дела уложил меня на локоть и взял за подбородок, чтобы я не увернулась. Почему-то это привело меня в состояние, близкое к панике.

– Остановись! – воскликнула я, испуганно глядя ему в лицо. – Остановись, Реджи!

– По-моему, девушка ясно сказала, что не стоит продолжать, – раздался властный голос совсем рядом с нами.

Реджинальд медленно отпустил меня, и я отскочила в сторону, приглаживая растрепавшиеся волосы. Выясняя отношения, мы и не заметили, как в саду появился граф де Конмор. В темноте он казался сущим троллем, но я была рада появлению этого тролля больше, чем появлению сказочного дядюшки Ноэля, который разносит подарки под Новый год.

– Вы всё не так поняли, милорд, – ответил Реджинальд, потирая руки, словно они были замараны. – Бланш и я давно знакомы и...

– Даже давнее знакомство не дает вам права нападать на неё, – перебил его граф ещё более властно.

– Я не нападаю! – возмутился Реджи, покраснев.

– Значит, мне показалось, – сказал граф и бросил, обращаясь ко мне: – Следуйте за мной, леди Авердин, я провожу вас в главный зал.

– Я сам провожу Бланш... – начал Реджинальд.

– Следуйте за мной, леди Авердин! – приказал граф, не обращая на него внимания.

Я засеменила за ним, даже не посмотрев на Реджинальда. Лицо моё горело от стыда и обиды, и я думала, что столица плохо влияет на мужчин, раз они считают, что каждая девушка будет счастлива получить их поцелуи. Но в этом случае граф был меньшим из зол – он, хотя бы, прислушался ко мне и не настаивал на поцелуе против моей воли.

Реджинальд тоже больше не настаивал, и вскоре я услышала за спиной тихие шаги – он вышел из зимнего сада через другую дверь.

Граф вёл меня совсем другим путем. Коридоры в этой части дома не были освещены, и только в неплотно прикрытые окна проникал рыжий свет уличных фонарей. Но граф шёл уверенно, и я старалась не отставать. Как странно, что он появляется там, где нахожусь я. Совпадение ли это? Или... всё вовсе не случайно?..

Надо было что-то сказать, потому что молчание очень уж затянулось. Я кашлянула и произнесла:

– Благодарю, что вмешались, милорд. Сэр Оуэн – друг моего детства, но я не видела его несколько лет и не была готова к встрече.

– Она вышла очень пылкой, ваша встреча, – сказал он, и в голосе мне почудилась насмешка. – Я оплошал, надо было заставить его извиниться.

– Не стоит, – быстро ответила я.

– Вот как? Почему же?

– Потому что я всего лишь девушка из маленького провинциального городка, милорд, и не знаю – может так принято теперь в столице? Целовать девушек без их на то согласия?

– Намекаешь, что это я должен извиниться за то, что целовал тебя неделю назад? – он остановился так резко, что я чуть не налетела на него.

Раздался скрежет замка, и граф отворил дверь в одну из комнат и вошёл. Я осталась в коридоре, не понимая, зачем он заходит в комнату, в то время как обещал отвести меня в зал.

Внутри чиркнуло кресало, и затеплился огонек – граф зажег свечу.

– Заходи, – позвал он из комнаты.

– Вы сказали, мы идем в танцевальный зал, – ответила я, раздумывая – не броситься ли в бегство.

К тому же обращение на «ты» покорило меня ещё больше. Оно было оскорбительным, и показало, что в глазах графа я не превратилась в благородную леди, а так и осталась шоколадницей.

– Уделишь мне несколько минут, может быть? – он появился на пороге, бесцеремонно взял меня за плечо и завел в комнату.

Дверь он оставил открытой – наверное, чтобы я не подумала, что оказалась пленницей. Я застыла у порога, не зная, что предпринять.

Граф не предложил мне сесть, тем самым указывая, что я для него не имею особого значения. Ни как леди, ни как женщина. Зато сам уселся в кресло, поправил свечу, чтобы свет лился ровнее и окинул меня взглядом.

– Ты видела меня у гадалки, верно? – спросил он. – Это ведь была ты – шоколадница, сующая нос, куда не следовало.

Я вздрогнула, и вовсе не потому, что он, забыв о правилах хорошего тона, опять обратился ко мне на «ты», да еще и обозвал обидным прозвищем. В неровном свете он виделся мне огромным, как медведь, а нос с горбинкой, борода и длинные волосы, и правда, придавали ему вид горного тролля – тут было, отчего перепугаться. Свеча горела жёлтым пламенем, и поэтому борода графа казалась угольно-чёрной, а вовсе не синей, но это ничуть не уменьшало мои страхи.

– Это ведь была ты? – повторил он.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть.

– Что ты слышала?

– Ничего, милорд.

Он не поверил и продолжал смотреть выжидающе. Призвав на помощь всю сообразительность, я сказала:

– Я пришла, когда ваш разговор уже был окончен, и вы обвинили Вильямину в шарлатанстве.

– Кому ты рассказала об этом?

– Никому.

– Почему?

Вопрос поставил меня в тупик. Почему?

Помолчав, я ответила:

– Если вы пришли к прорицательнице под маской, то почему я должна раскрывать вашу тайну?

– Значит, болтливость – не твоя отличительная черта?

Я промолчала.

– Мне нравятся твои ответы, Бланш Авердин, – сказал он.

То, что он узнал и запомнил моё имя, неприятно меня поразило. Я опустила глаза, чтобы не видеть его лицо, которое и пугало, и притягивало одновременно. Пугало мрачностью, а притягивало силой, которая, казалось, изливалась волнами от этого человека. Получается, он расспрашивал обо мне своих слуг? Или узнал у наместника имена всех дочерей из семейства Авердинов? В любом случае, подобное внимание от Синей Бороды мне точно ничего хорошего не предвещало.

– Если вы выяснили все, что хотели, разрешите уйти, – я поклонилась, глядя в пол, и поэтому не заметила, как граф поднялся из кресла и подошёл ко мне.

Движения его были бесшумными, и я чуть не вскрикнула от неожиданности, обнаружив его стоящим напротив меня – на расстоянии трех ладоней.

– Ты боишься? – спросил он.

– Боюсь? Кого или чего, милорд?

– Меня, – сказал он спокойно.

Я наклонила голову, собираясь с мыслями, а потом посмотрела ему в глаза:

– Нет, я не боюсь вас.

– Обо мне ходят страшные слухи. Меня называют графом Синяя Борода, как злодея из народных сказок. Знаешь об этом?

– Я не доверяю слухам. А вы не сделали ничего, чтобы я вас боялась...

Казалось, он был доволен, потому что отвернулся к столу, как будто прятал улыбку.

– Думаю, ты убедилась, что моя борода чёрная, а вовсе не синяя.

– ...но не сделали ничего, чтобы я вас уважала, – закончила я.

Он оглянулся, и взгляд его стал холодным.

– Только твоё уважение или неуважение мне безразличны, – сказал граф.

– Охотно верю, – согласилась я. – И раз уж мы начали беседовать откровенно, позвольте спросить: вы и правда приехали в наш город, чтобы найти себе новую жену?

– Правда, – ответил он, продолжая разглядывать меня, как диковинного зверька.

Он не сел в кресло, а остался стоять, и его широкоплечая фигура против света свечей казалась особенно огромной. Он подавлял одним своим присутствием, и мне больше всего хотелось побыстрее покинуть эту комнату, чтобы освободиться от этого человека. Освободиться? Но я ведь ему не принадлежу?.. Все эти мысли промелькнули в моей голове быстро, как вспышки молний в грозовую ночь, но слова слетели с языка ещё быстрее:

– А что случилось с предыдущей леди де Конмор?

– Упала с лошади и свернула себе шею, – граф произнес это безразлично, словно говорил о подгоревших блинчиках на завтрак.

Его тон задел меня. Если он решит жениться на Констанце, вряд ли она будет счастлива с чёрствым человеком, которого не огорчает недавняя гибель жены.

– Вы говорите об этом с таким спокойствием, милорд... Совсем не похоже на безутешного вдовца.

– А я – счастливый вдовец, – сказал он. – Хочешь знать, почему? Раз уж мы беседуем откровенно?

Голос де Конмора стал вкрадчиво-опасным, а сам он подался вперёд, заглядывая мне в лицо. Я почувствовала себя кроликом перед волком, что внезапно выскочил из чащи. Еще немного – и хищник бросится на меня и откусит голову. Или... свернет шею...

– Нет! Оставьте свои тайны при себе, мне они ни к чему, – торопливо произнесла я.

– Разумное решение, – пробормотал он и вдруг коснулся моей рассыпавшейся косы. – Кто же придумал назвать тебя Бланш? У тебя тёмные волосы.

– Когда я родилась, они были белокурыми, как у моих сестёр сейчас, – сказала я, еле сдерживая стремительно забившееся сердце.

Этот человек и пугал, и волновал одновременно. Я вдруг подумала, что не смогла бы дать ему оплеуху, вздумай он сейчас, как Реджинальд, требовать у меня поцелуя.

Ладонь графа легла на мою щёку, погладила.

– Разрешите удалиться, милорд, – произнесла я срывающимся голосом, и делая шаг назад.

– Разрешаю, – сказал он и взял мою руку в свои.

Я дрожала, но не сделала попытки вырваться и убежать. Бедный рождественский кролик, угодивший в пасть к волку! Вот кем я сейчас себя ощущала!

– Сожалею, но не смогу попрощаться с тобой по окончании праздника, – сказал де Конмор, поднося мою руку к губам. – Попрощаюсь сейчас.

Не сводя с меня глаз, он поцеловал не тыльную сторону ладони, как полагалось по этикету, а ладонь. Поцелуй получился долгим – гораздо дольше, чем требовали правила приличия. Мужские губы – горячие, твёрдые, опалили мою кожу, но это был самый восхитительный огонь в моей жизни.

Как зачарованная я смотрела на него, не понимая, как получилось, что этот мужчина действует на меня подобным образом. Как будто он объявил меня своей собственностью, но что самое странное – мне вовсе не хотелось этому противиться. Не хотелось освобождаться от его власти. И хотя какая-то частичка меня взывала к здравому смыслу, я чувствовала, что окончательно и безоговорочно пропала от этого пронзительного взгляда, от прикосновения горячих губ. В голове так и зазвенели колокольчики – словно новый год уже наступил, и сбылось ожидание зимнего волшебства.

Но граф отпустил мою руку, и стало холодно. Только сейчас я заметила, что камин в комнате не горит, и обнаружила, как мне неуютно в холодной комнате в тонком бальном платье.

– Наверное, это трудно... – сказал де Конмор и замолчал.

Не дождавшись ответа, я спросила:

– Трудно – что, милорд?

– Жить рядом с тобой.

– Милорд?... – мне показалось, что я ослышалась, но граф уже кивнул на дверь, разрешая уйти.

– Свернешь направо, а затем пойдешь прямо, до арочной двери. Окажешься как раз в общем коридоре, – он махнул, показывая, что мне надо поскорее удалиться.

Бочком я двинулась к двери, потом повернулась к графу спиной и почти выбежала вон.

Музыка ещё играла, и я нашла танцевальный зал без труда, хотя в этой половине дома не горели светильники. Прежде, чем войти в зал, я проскользнула в дамскую комнату.

Зеркало отразило меня, и я была неприятно поражена увиденным – растрёпанные волосы, помятое платье, оборка на рукаве почти оторвана, глаза и щёки горят, а губы алые, как кровь. Впервые я увидела себя в таком странном образе – диком, ярком, безумном... Неужели, это порыв Реджи породил меня такую? Или всему виной граф?... Я вспомнила прикосновение его ладони к своей щеке и прикосновение его губ к своей ладони... Почему стало так холодно, когда он отпустил меня?..

– Бланш! Вот ты где! – в комнату вошла матушка. – Куда ты пропала? – она ахнула, увидев испорченную причёску. – Что за вид?!

– Оступилась на лестнице, – солгала я, чтобы не тревожить её лишний раз.

– С каких это пор ты такая неловкая? – поругала меня матушка и тут же занялась моей прической, достав из поясной сумочки гребень. – Но ты ушла к Реджинальду? Как он допустил, чтобы ты упала?

– Его позвал граф, – опять солгала я, – по какому-то важному делу, а мне пришлось возвращаться одной. Там было темно, вот я и споткнулась.

– Главное, чтобы леди Пьюбери не увидела тебя, – матушка наскоро уложила мне волосы, подвязав пряди лентой, которую тут же и окончательно оторвала от моего рукава. – Бог знает, что она тогда подумает!

Потом она оторвала и вторую ленту – для симметрии, и мигом выщипала торчащие по шву нитки.

– Ну вот, теперь выглядишь почти респектабельно, – она взяла меня за плечи и покрутила в разные стороны. – Припудри щеки, ты слишком румяная...

– Но девушкам нельзя пользоваться краской! – притворно ужаснулась я, чем рассмешила матушку.

С лукавым видом она достала пудреницу и коснулась пуховкой моих щёк и губ.

– Юным девушкам много чего нельзя, но иногда – можно, – сказала мама, подмигнув мне.

– Щекотно! – я хотела почесать лицо, но она шлёпнула меня по пальцам.

– Не вздумай! И идём поскорее в зал, там танцы в самом разгаре. Возможно, граф уже отпустил Реджинальда? А может, тебя ещё кто-нибудь пригласит. Ты была так мила, когда танцевала с ним. О чем вы говорили?

– Его родители умерли, – сказала я, – он приехал, чтобы уладить кое-какие дела отца. Сказал, что скоро опять уезжает.

– Бедный мальчик, – матушка набожно перекрестилась. – Мы потеряли отца и так страдали, а он остался один на всем белом свете...

– Он не пропадет, – быстро произнесла я, потому что говорить о Реджи мне совсем не хотелось.

И я сильно сомневалась, что после выходки в зимнем саду Реджи заговорит со мной, не то что пригласит танцевать.

Мы вернулись как раз в тот момент, когда слуги вносили на серебряных подносах новый десерт – торт из безе. Краем глаза я заметила чёрную фигуру графа. Он разговаривал с судьёй и лордом Чендлеем, пока леди Чендлей и жена судьи орудовали ложечками, поедая новое лакомство. Мы с матушкой проходили мимо них, когда леди Чендлей сказала:

– Восхитительно! Этот Маффино – волшебник! Всё так изысканно и просто!

Всегда приятно, когда хвалят дело твоих рук, и неожиданная похвала, пусть даже и адресованная другому, заставила меня замедлить шаг и улыбнуться. Эту улыбку перехватил граф де Конмор, так некстати посмотревший в нашу с матушкой сторону.

– Рад, что вы оценили вкус этого блюда, леди Чендлей, – сказал он громко, явно стараясь, чтобы я услышала. – Оно сделано специально по моему заказу, к этому приему. У него забавное название: «Развалины графского замка».

Обе леди захлопали глазами, не зная, что сказать.

– Вы ошиблись, милорд! – затараторил господин Маффино, оказавшийся рядом – конечно же! – совершенно случайно. – Этот торт называется «Зимний поцелуй», потому что он легкий и сладковатый – как и положено поцелую под омелой.

Это был новогодний обычай – под потолком развешивали омелу, и оказавшиеся под нею должны были поцеловаться. Как всегда господин Маффино поразил всех красноречием и романтикой, и дамы принялись наперебой делать заказы и выспрашивать рецепт.

– «Зимний поцелуй»? – переспросил граф. – Что ж, возможно, я ошибся. Действительно, торт – воздушный, сладкий, с лёгким послевкусием горчинки от шоколада, но именно она и придает ему особую прелесть. А потом ощущается такой дерзкий хруст обжаренных орешков.

Ты попробуешь – и потом вспоминаешь лишь о нём... О «Зимнем поцелуе». Как вы считаете, леди Авердин? Вам понравилось? – он любезно обернулся к матушке. – А вашей дочери понравилось тоже?

Нам ничего не оставалось, как поклониться леди Чендлей и супруге судьи, и присоединиться к их компании – хотя бы для того, чтобы ответить графу.

– Мы ещё не пробовали этот прекрасный торт... – начала матушка, но я её перебила.

Это было очень невежливо, только смолчать после намёков графа я не смогла.

– Конечно, мы оценили его, милорд, – сказала я небрежно. – Всё, как вы сказали – и сладость, и умеренная горечь... Но при всём уважении, десерт слишком прост. Он может впечатлить провинциальную публику, а где-нибудь в столице на него не обратили бы внимания. Я бы сказала: ему не хватает изысканности, не хватает вкуса, истинного чувства. Этот десерт – неплохая импровизация, но не шедевр.

Матушка незаметно ущипнула меня за руку, а господин Маффино от такого предательства попросту потерял дар речи. Дамы застыли, держа ложечки на весу, и только граф смотрел на меня, как будто я сказала нечто очень приятное.

– Вы, видно, хорошо разбираетесь в десертах, – заметил он. – Много их пробовали?

Учитивый вопрос, который имел особый смысл лишь для двоих – для меня и де Конмора, добавил задора беседе. Я улыбнулась так сладко, что сделала бы честь лучшему десерту из безе, и ответила:

– На самом деле, я не сладкоежка. Не люблю сладкое, и ваш торт, милорд, попробовала лишь по принуждению.

– Бланш! – сказала матушка углом рта и совсем другим тоном добавила: – Вы должны простить её, господин де Конмор. Ваш приём так великолепен, что любая молоденькая девушка потеряет голову. Вот и моя дочь растерялась.

– Вам не надо извиняться, – заверил матушку граф. – Это прекрасно, когда девушки честны и говорят то, что думают. Хотя я не согласен с леди Бланш – торт очень хорош. Мне посчастливилось наблюдать за его приготовлением, и я был впечатлён.

Я строго посмотрела на него, но не разглядела насмешки, хотя и была к ней готова. Матушка тоже была обескуражена словами похвалы и призвала на помощь всю женскую хитрость.

– О! Я вижу Анну, она зовёт нас! – она подхватила меня под руку и указала в угол зала. – Идем же, Бланш! Это моя вторая дочь, господин де Конмор – Анна. Прошу прощения, мы вас покидаем.

Раскланявшись, мы с матушкой удалились.

– Какой странный разговор вы вели с графом, – сказала она, понизив голос. – Ведь он знает, что ты работаешь в лавке Маффино?

– Да, мама. И был настолько любезен, что снизошёл поболтать со мной о тортиках и печенюшках.

– О тортиках... – матушка посмотрела на меня искоса, но я сделала вид, что не замечаю её взгляда.

Ужасно хотелось посмотреть на графа, но я сдержалась. Любопытство не красит благородную леди, это точно. А показывать, что меня интересует его персона – это было бы слишком сладко для некоторых.

Пока матушка разговаривала с Анной, я не слышала ни слова, вспоминая наш разговор с де Конмором. Что было его целью? Оскорбить меня? Но никто ничего не понял. Граф хотел меня смутить? Но почему оказался так доволен, когда это не удалось? Его намерением было лишь подразнить?.. Подразнить... Горячая волна прошла по моему телу от сердца до макушки, а потом до кончиков пальцев на ногах. Разве мне не понравилось разговаривать с ним? Разве я не ощущала себя особенной, посвященной в тайну, когда мы говорили о вещах столь сокро-

венных при посторонних людях? Почему он оказался в саду, где были мы с Реджи? Случайность ли это, или граф... следит за мной?

«Счастливым вдовец... хотите знать, почему... везде суёте нос... трудно жить рядом с вами... поцелуй невозможно забыть...», – голос графа до сих пор звучал в моей голове.

«Ты слишком впечатлительна, дорогуша, – мысленно сказала я себе с издевкой. – Понятно, что скучная жизнь в Ренне располагает к мечтаниям, но ты и в самом деле переела сладостей, если считаешь, что пара двусмысленных фраз показывает особое расположение к тебе».

От размышлений меня оторвал распорядитель бала, который снова потряс посохом с бубенчиками, привлекая внимание гостей, и объявил Танец лилий. На этот танец дамам полагалось приглашать кавалеров – забавно, мило, но страшно волнительно. Мне казалось, я никогда не смогла бы пригласить мужчину и предпочла бы ускользнуть из зала, сделав вид, что у меня внезапно развязалась лента на туфельке или случился какой другой казус, потребовавший бегства в дамскую комнату. В отличие от меня, Анна и Констанца тут же пригласили двух молодых людей и одними из первых заняли места в шеренге танцующих.

– А ты, Бланш? – спросила матушка, посмеиваясь. – Ты чего ждешь? Сейчас разберут самых молодых и красивых!

Ей хорошо было смеяться – возраст и положение вдовы избавляли её от выбора кавалера.

– Милорд очень выделяет ваших милых дочерей, дорогая Леонидия, – произнесла леди Медоус, подобравшаяся к нам с ловкостью кошки. – Констанцу он назвал первой красавицей Ренна, а с Бланш так долго разговаривал...

– Зато Анне не досталось ни слова, ни улыбки, – ответила матушка кротко. – Он всего лишь выполняет роль радушного хозяина, дорогая. Не надо видеть подводных камней там, где их нет.

– Я всего лишь о том... – обиженно начала леди Медоус, но не договорила. – Смотрите, милорда графа приглашает Алария! Я слышала, она недовольна, что милорд отдал звание первой красавицы Констанце...

– Ну что вы, – добродушно возразила матушка, – не поверю, что такая милая девушка станет обижать мою Констанцу!

Но судьба Констанцы в это мгновение меня совсем не волновала, потому что я повернулась, как флюгер, в сторону, где стоял граф. Алария и правда присела перед ним в изящном поклоне, приглашая танцевать, и приглашение было принято. Де Конмор подал девушке левую руку, и они прошли на середину зала.

Вопреки здравому смыслу я ощутила разочарование. Но осмелилась бы я пригласить графа? Это вряд ли.

Алария была чудо, как хороша. Не так красива, как Констанца, но одета гораздо богаче и пышнее. Если моя старшая сестра была нежным цветком, пугливой ланью, то Алария действовала без робости и без смущения. В ней были лишь отточенное изящество и чувство собственного превосходства. Вот она склонила голову к плечу, что-то рассказывает графу, кокетливо опуская ресницы. Он молчит, но слушает с улыбкой.

Коротко вздохнув, я отговорила с головокружением и сбежала в дамскую комнату, где просидела до самого последнего танца. Тут матушка вытащила меня в зал почти насильно:

– С чего это ты изображаешь затворницу, Бланш?! Уверена, что с десятков молодых людей будут счастливы потанцевать с тобой!

Вопреки матушкиным надеждам, никто не пригласил меня, зато для сестёр нашлись кавалеры. Я следила за Анной и Констанцой со смешанным чувством радости и сожаления. Они и в самом деле были самыми красивыми, и Констанца не зря была объявлена королевой бала.

Она уже пришла в себя и весело кружилась, держась за руки с молодым человеком, который не сводил с неё восхищенных глаз.

А мои глаза высматривали в толпе танцующих не только сестёр. Но графа не было видно. Хозяин праздника просто исчез. «Я не смогу с вами попрощаться», – он уже знал, что не станет провожать гостей. Впрочем, Аларии тоже нигде не было видно.

Лорд и леди Чендлей выступили вперед, благодаря всех, почтивших визитом. Вот бал и закончился.

Глава 5

– Почти все гости разъехались, господин Ален, – сказал Пепе, подавая графу де Конмору бокал с нагретым пуншем. – Осталось несколько по углам, но мы их сейчас выловим и отправим домой. Праздник удался!

– Удался, несомненно, – пробормотал Ален, делая глоток горячего ароматного напитка.

Запах корицы настойчиво напомнил ему одного из гостей. Вернее не гостя, а гостью. Он поставил бокал на стол, сделав это с излишней поспешностью.

Потом передумал и снова взял, вдыхая аромат пряностей.

– Смотрю, вы определились с выбором будущей жены, – сказал Пепе словно бы между делом.

На правах доверенного слуги он мог позволить себе подобную фамильярность с хозяином.

– Определился.

Пепе подождал, не услышит ли ещё чего, но так как его хозяин молчал, заговорил снова:

– Если мне позволено будет говорить...

– Как будто можно запретить тебе это, – усмехнулся Ален.

– Если прикажете – я тут же замолчу, – торжественно поклялся Пепе, но так как приказа молчать не последовало, он продолжал: – Она, конечно, красавица, каких поискать, но как по мне, так совсем вам не подходит.

– С каких это пор ты стал разбираться в благородных дамах?

– Как будто они чем-то отличаются от неблагородных, – ответил слуга, обиженный, что в его оценке усомнились. – Так же сплетничают, так же пищат! Они называют вас Синей Бородой, глупые кукушки! Все одинаковы!

– Некоторые отличаются, – сказал Ален.

– Будто!

– Иди-ка проверь, все ли гости ушли, – велел ему граф.

– Так и скажите, что решили от меня избавиться, – удалился слуга с ворчанием.

Оставшись один, Ален выпил ещё пунша. Красное вино горячило кровь, и боль на время притуплялась. Впрочем, он позабыл о боли ещё на балу, едва увидел её. Какая необыкновенная встреча...

Дверь еле слышно скрипнула, и граф поднял бокал:

– Раз вернулся, Пепе, налей еще. Хорошее вино. Мне нравится.

– Вашего слуги здесь нет, – раздался нежный женский голос. – Если вам будет угодно, милорд, позвольте я налью вам вина.

Ален повернулся к двери, не поднимаясь из кресла. На расстоянии вытянутой руки стояла женщина, закутанная в чёрную бархатную накидку. Капюшон скрывал её лицо до половины, показывая только нежный подбородок и розовые губы – сейчас приоткрытые от взволнованного ожидания. Накидка на груди немного разошлась, и видна была лилейно-белая рука с тонкими пальцами.

– Мне угодно, – разрешил Ален, протягивая бокал гостье. – Наливайте, леди Алария.

Женщина помедлила, а потом рассмеялась и сбросила капюшон.

– Вы узнали меня, – сказала она. – Это хороший знак, милорд.

– Хороший? Чем же? – спросил граф очень спокойно.

– Чем? – леди Алария непринужденно прошла по комнате, забирая кувшин. Походка девушки была лёгкой, движения – грациозными, словно она танцевала по комнате, а не подносила напитки. – Если вы меня узнали, то значит запомнили. Если запомнили, то я чем-то вам приглянулась. А если я вам приглянулась... – она замолчала, наливая вино.

Тонкая кроваво-красная струйка полилась из кувшина в бокал.

Алария смотрела на неё, чтобы не пролить вино, а Ален смотрел на девушку. Ещё во время бала ему были понятны её намерения. И он видел её насквозь – красивую, амбициозную, привыкшую получать всё, что захочет. Он слышал, как отец нашептывал ей, чтобы глядела на графа ласковой. И она глядела. Ласково, зазывно, нежно. И кокетничала, и делала вид, что чувствует головокружение, чтобы лишний раз облокотиться на него – дать почувствовать жар своего молодого тела.

– А если приглянулись? – спросил Ален, прекрасно зная, что она скажет.

Леди Алария была не первой (и точно не будет последней), кто приходил и предлагал ему своё юное тельце. Вернее, не ему, а его деньгам. Удивительная вещь – деньги. Они придают привлекательности даже уродам и старикам.

– Зачем спрашиваете, милорд? – спросила Алария, отставляя кувшин.

Одним движением, она распустила вязки на горловине и скинула накидку, оставшись в бальном платье. Шёлковая ткань ласково льнула к груди и талии, и придавала коже еще более ослепительную белизну. – Вы ведь знаете, почему я пришла сюда, не побоявшись быть опозоренной.

– С чего бы вам быть опозоренной? – спросил Ален, делая глоток. – Разве вы пришли сюда, чтобы совершить что-то неприличное?

– Я пришла, чтобы быть честной, – засмеялась девушка. – Ведь честность вам по душе. Вы сами так сказали.

– У вас хорошая память. Но я сказал так не о вас.

Она мгновенно перестала улыбаться и посмотрела на него пытливно:

– Вы ведь приехали, чтобы найти жену?

– Если и так, то что?

– Если вам нужна жена, то почему бы вам не жениться на мне?

– Жениться на Аларии Сандоваль, – Ален сделал ещё пару глотков и откинулся головой на спинку кресла. Девушка начала его утомлять, и раздражать, если говорить прямо. – Интересно, почему я должен принять такое решение.

Она заметно смешалась и занервничала, но постаралась удержать надменный и отчаянный вид.

– Вы сами сказали, что я привлекла ваше внимание, милорд, – сказала она и встала прямо перед ним. – И я не скрою, что вы привлекли моё.

– Привлек. Вот как, – Ален медленно кивнул. – Наверное, поразил вас в самое сердце своей красотой, милая леди?

– Вы понравились мне таким, какой вы есть, – нашлась она с ответом. – И только я смогу вас оценить.

– Как неожиданно. Значит, я вовсе не так хорош собой, как думал?

– Не пытайтесь отпугнуть меня, – сказала она. – Вы прекрасно знаете, что о вас говорят. Вас боятся, вами пугают молоденьких дурочек вроде Констанцы Авердин. Она упала в обморок, когда ей намекнули, что титул королевы вечера – это почти брачное предложение от вас.

– А вы поняли, что это нечто иное...

– Разумеется, – заявила она с апломбом. – Я сразу поняла, что вы это сделали из жалости. Констанца очень красива и бедна. К тому же, её младшая сестра трудится в сахарной лавке, как простолюдинка. Над их семейством весь город смеется. С вашей стороны было очень благородно хоть так отличить старшую дочь. Возможно, ваше внимание вкупе с её красотой помогут ей найти мужа.

– Вы видите меня насквозь.

Алария поклонилась, изобразив благодарность. Но больше было похоже, что для того, чтобы лишний раз продемонстрировать, как ладно сложена и как изящно двигается.

– Я понимаю вас лучше, чем может показаться милорд, – снова заговорила девушка. – И там, где остальные видят чудовище, я вижу мужчину...

– Смотрю, вы настроены решительно, – сказал Ален, поставив бокал на столик возле кресла.

– Более чем, – завила красавица, гордо вскидывая голову.

– И всё это ради меня?

– Вы не ошиблись. Ради вас, милорд, я пришла сюда не побоявшись...

– Не побоявшись быть опозоренной, я помню, – Ален немного подался вперед, оперевшись левым локтем о колено. – И как далеко вы готовы зайти ради меня?

– Хотите проверить? – Алария медленно потянула ворот платья, обнажая плечо.

Ален наблюдал за ней, думая, что она наверняка отрепетировала сцену соблазнения у зеркала раз сто. Продемонстрировав плечо, девушка потянула ленты, стягивающие корсаж, а потом медленно распахнула платье, показав грудь. Грудь и в самом деле была хороша – по-женски полная, соблазнительная.

Алария призывно улыбнулась, но граф продолжал сидеть в кресле, разглядывая её прелесть. Девушка подождала ещё, но в конце концов потеряла терпение.

– Мне кажется, я проявила достаточно решительности, – сказала она немного резко. – Не пора ли проявить её и вам?..

– Мне? – переспросил Ален. – Вы хотите, чтобы теперь я показал вам грудь? Сомневаюсь, что это приятное зрелище. Она волосатая, совсем не такая гладенькая и круглая, как ваша.

– Вы могли бы показать мне нечто иное, – не сдавалась Алария.

– Хм... может и мог бы, – произнес Ален загадочно. – Но это всё не то, знаете ли...

– Не то? – девушка запахнула платье, и голос её из завлекательно-мягкого стал холодным, как зимний ветер. – Что именно не то, позвольте вас спросить?

– Мне бы хотелось, чтобы моя будущая жена проявила решимость иного рода...

– Иного? Не понимаю.

– Попытаюсь вам объяснить, – Ален поднялся и подошел к Аларии совсем близко.

Она невольно попятилась, но тут же глубоко вздохнула и вскинула подбородок, подставляя губы для поцелуя.

– Вы очень красивы, леди Алария, – Ален коснулся её щеки, прочертил контур губ, – у вас такое безмятежное лицо. Вы никогда не страдали, верно?

– Не страдала? – она вскинула брови. – Нет, милорд. А причем...

– Вы на многое готовы ради меня?

– Разве я не доказала это, придя сюда? Ради вас я...

– А вы сможете ради меня пострадать?

Алария испуганно пискнула, когда мужская рука сдавила ей горло. Сдавила несильно, пережав кровоток всего на пару секунд, но девушке хватило и этого, чтобы лоб покрылся испариной, а колени подогнулись.

– Пострадать? – прошептала она, облизнув вдруг пересохшие губы. – О чем вы, милорд?

– Пострадать, потерпеть боль? Вашей решимости хватит на это? – рука графа скользнула по груди девушки вниз, а потом крепкие пальцы оплели тонкое девичье запястье, сдавили.

Некоторое время Алария пыталась сдержать крик, но потом не выдержала:

– Мне больно! Хватит!

– Уже сдаетесь? – граф склонился над ней, все сильнее сжимая её руку. – Как быстро...

Задышавшись от боли и страха Алария смотрела ему в глаза, и блеск их казался ей дьявольским.

– Пустите! Пустите! Умоляю! – заплакала она, падая на колени.

Ален отпустил её, и гордая красавица скорчилась возле его ног, всхлипывая и баюкая памятью руку.

– Значит, всё – только громкие слова, леди Алария, – сказал он, возвращаясь к креслу и поднимая бокал. – Давайте я выпью за ваше здоровье. Вы тем временем утрите слёзки с милой мордашки, а потом убирайтесь, откуда пришли. И если ещё раз заявитесь ко мне, чтобы оголяться, я сломаю вам палец. Один ваш нежный беленький пальчик. Может хоть это научит вас вести себя скромнее.

Допивая пунш, он смотрел, как девушка поднялась, ступая нетвердо, подобрала накидку и долго не могла её надеть.

– Я помогу, – сказал Ален с преувеличенной вежливостью.

Он помог Аларии расправить накидку и накинуть капюшон.

– А теперь бегите к папаше, – велел граф, – и по дороге не делайте глупостей. Иначе прикажу вас выпороть, как беспутную.

Ему не пришлось повторять дважды – Алария поспешила вон, забыв попрощаться.

– Доброй ночи! – пожелал ей вслед де Конмор.

Дверь за несостоявшейся соблазнительницей глухо стукнула, и Ален подавил желание шарахнуть в неё бокал. В кои-то веки у него было сносное настроение, а эта бесстыдная девчонка умудрилась всё испортить. Но он тоже хорош. Надо было сразу выпроводить её вон, наградив затрещинами, а он позволил себе поиздеваться над ней, поиграть, как кот с мышью. Зачем?

Он повернул вправо-влево медный браслет на правом запястье. Почему его так взбесили её слова? Потому что она говорила то, о чем понятия не имела. Не имела понятия, а значит, не имела права говорить такое. Кое о ком.

Дверь снова скрипнула, и, увидев женщину в темном плаще, Ален все-таки швырнул бокал, от души впечатав его в стену в двух локтях от головы женщины.

– Я же сказал тебе убираться! – почти прорычал он.

Женщина посмотрела на погнутый бокал, покотившийся к креслу, и сказала:

– Всему виной та зарёванная девица, которая чуть не сшибла меня на лестнице? Чем она тебе не угодила, Ален? Это на ней ты решил жениться?

Она откинула капюшон и встряхнула белокурыми кудрями, упавшими на её плечи и спину волной. На лице женщины была бархатная черная маска, но она не торопилась её снять.

– Так это была будущая графиня де Конмор?

– Нет, – ответил Ален. – Зачем ты здесь, Милисент?

– Разве я могла оставить тебя одного? – она подошла к нему и обняла, заставив наклониться, после чего поцеловала в губы. – Ах, как я выдержу без тебя этот год, любимый? Но год – это ведь не очень долго, правда? Всего лишь двенадцать месяцев, и ты снова будешь свободен. И мы сыграем самую лучшую свадьбу, и будем вместе – ты и я. Разве это не чудесно?

Она целовала его всё жарче и жарче, а потом страстно зашептала:

– Ты ведь пока не женат, Ален... Значит, ещё можно... Я вся горю, милый... любимый...

Обычно её поцелуи дурманили и распаляли, но в этот раз Ален целовал Милисент без прежнего пыла. Он списал это на усталость. Ведь уже не двадцать лет, чтобы скакать с юными девицами на балу весь вечер. Позволив Милисент усадить себя обратно в кресло, Ален смотрел, как она улыбается под маской, расстегивая перед ним платье. Она повернулась спиной и лукаво поглядывала через плечо, изящно изогнувшись и чувственно покачивая бедрами.

Сбросив платье, женщина осталась в одной короткой нижней рубашке, к которой лентами крепились шелковые чулки. Больше на ней ничего не было – явно готовилась к встрече.

Ален потянул поясной ремень, но Милисент проворно наклонилась:

– Я расстегну сама, не беспокойся. Побереги свою руку, милый.

Он позволил ей расстегнуть пряжку, потому что одной рукой это и вправду было несподручно. И приподнялся, чтобы Милисент было удобнее стянуть с него штаны.

Потом она ласкала его, поглаживая сначала нежно, потом требовательнее, но возбуждение не приходило. В конце концов, Ален погладил её по голове и отстранил, давая понять, что не желает продолжения.

– Что-то не так? – спросила она.

– Наверное, слишком много вина и танцев за сегодняшний вечер, – сказал Ален. – Я не ждал тебя.

– Но я приехала, и не отступлюсь, – Милисент ловко оседлала его, умудрившись втиснуться в кресло вместе с ним, и удвоила старания, целуя с пристонами.

Она просунула пальцы под рубашку графа и легко провела ногтями, мурлыча при этом, как кошка.

Раньше ему очень нравилась эта игра, но сегодня и она оставила безучастным.

– Ты сам на себя не похож, – сказала Милисент, прогнав через него весь арсенал своих соблазнительных приёмчиков. – Эта женитьба тебя так расстроила? Но я, действительно, очень боюсь, Ален!

И она всхлипнула, изображая испуганного ребенка, и прижалась к нему, утопив в волне золотистых кудрей.

Граф отвел её волосы от лица – они щекотали нос, и хотелось чихнуть.

– Всё хорошо, – успокоил он Милисент.

– Ты уже выбрал? – спросила она, уютно устраиваясь у него на коленях и перебрасывая ноги через подлокотник.

– Да, она милая девушка.

– Красивая? – спросила Милисент ревниво.

– Красивая. Но не такая, как ты.

– Надеюсь, она будет вести себя пристойно, а не как эта девица, что заявила к тебе ночью. Чего она хотела?

Меньше всего Ален желал говорить сейчас об Аларии.

– Это неважно, – сказал он. – Я ходил к местной пророчице, Милли.

– Зачем? – она удивленно захлопала глазами. – Ты же терпеть не можешь всех этих гадалок, знахарок и провинциальных ведьм.

– О ней рассказывали много хорошего, – Алан задумчиво посмотрел на правую руку, подняв ее повыше. – Она сказала, что знает, как избавить меня от боли.

– Неужели? – Милисент расцеловала его в обе щеки, а потом схватила правую руку и тоже пылко поцеловала. – Так это замечательная новость, милый. Есть средство? Какое лекарство она назвала? А что это за браслет? Не видела его у тебя раньше...

Она погладила медный браслет в виде змеи, пожирающей собственный хвост. Браслет был старинной работы, и в углублениях змеиной пасти медь позеленела от времени.

– Это пророчица дала мне браслет, – сказал Ален.

– Он заколдован? – спросила Милисент с жадным любопытством.

– Да, заколдован...

– И от него ты вылечишься? Если это произойдет, я сама пойду к этой ведьме и щедро её одарю.

– Все не так просто.

– Есть какое-то условие?

– Да.

– Какое? Ты ведь не станешь ничего от меня скрывать? Я твоя будущая жена, Ален. Я должна быть с тобой, что бы ни случилось, быть тебе опорой и...

– Она сказала, что мне поможет только человек, который... Вернее, девушка, женщина, которая согласится добровольно надеть этот браслет, а вместе с ним... – фразу он договорил совсем тихо, на ухо своей возлюбленной.

– Как страшно! – ахнула Милисент, отдергивая руки от медного браслета. – Но мы не должны терять надежды. На свете много добрых людей, которые нуждаются в деньгах и соглашались на такое.

– Да, не должны терять надежды, – сказал граф после недолгого молчания. – Уже поздно. Встань, пожалуйста. Скажу Пепе, чтобы он устроил тебя на ночь.

– Он такой молодец, твой Пепе, – похвалила слугу Милисент, выбираясь из кресла и поднимая с полу платье. – Вели ему приготовить карету наутро. Я уеду до рассвета, не хочу, чтобы меня видели.

– Да, не надо, чтобы кто-нибудь узнал, что ты приезжала, – Ален смотрел, как она одевается, и чувствовал, что между ним и этой красивой белокурой женщиной пролегла пропасть.

Он левой рукой подтянул приспущенные штаны и с третьей попытки застегнул ремень.

Милисент запоздало бросилась ему помогать, но в этом уже не было необходимости.

– Ты же не сердишься на меня? – спросила она мягко и подергала его за бороду. – И между нами ничего не изменилось?

Ален покачал головой, ничего так не желая, как чтобы она поскорее ушла.

Желание его исполнилось, потому что в двери постучали, а после разрешения зашел Пепе.

– У нас останется гостя, – сказал Ален, допивая остатки пунша прямо из кувшина. – Она хочет уехать до рассвета. Устрой её на ночь и позаботься о лошадях и карете.

– Будет сделано, милорд, – ответил Пепе чопорно и распахнул двери пошире, давая дорогу женщине.

– Спокойной ночи, любимый, – прошептала Милисент, поцеловав графа и ласково погладив его по щеке.

– Спокойной ночи, – ответил он.

Оставшись один, Ален подошел к окну. Стёкла окон замерзли, и он приложил к стеклу ладонь, чтобы растопить лед, как делал давно-давно в детстве. Сквозь «глазок» была видна заснеженная улица. Шёл снег, и в оранжевом свете фонарей снежинки вспыхивали, как искры.

Почему-то в эту тихую ночь графу припомнились строки старинной сказки, в которой говорилось о многожёнце, которого после смерти ждал ад. И хотя никто не мог его слышать, Ален произнес вслух:

– Жил когда-то человек, у которого были прекрасные дома и в городе и в деревне, золотая и серебряная посуда, кресла, украшенные шитьём, и золоченые кареты. Но, к несчастью, у этого человека была синяя борода... И ещё пара проклятий в придачу! – он криво усмехнулся и опустил штору.

Глава 6

Следующее утро после бала началось как обычно – я месила тесто для бриошей, выполняла заказы на бисквитные торты и марципановые фигурки. Всё вернулось на круги своя, как будто и не было вчерашнего сияния, блеска и прекрасной музыки.

Матушка ошиблась – ничего не изменилось после бала, на который мы возлагали такие надежды. Втайне я жалела о потраченном на наряды золоте. Мы могли бы распорядиться им с большей пользой. Но господин Маффино рассчитался со мной честно, и в кошельке для приданого Констанцы прибавилось денег. Матушка готовилась после нового года официально объявлять её девицей на выданье.

Констанца и Анна только и разговаривали, что о прошедшем приёме – бесконечно обсуждали, как и кто на них посмотрел, кто и как взял за руку, а кто из кавалеров что сказал – и каким тоном, со значением или без.

Констанца каждый день наряжалась в бальное платье и танцевала перед зеркалом, похвально серебряной булавкой с веточкой плюща. Анна тоже не отставала, хотя ей нечем было хвастаться.

В отличие от сестёр я сразу по приезду домой спрятала своё воздушное рассветно-розовое платье в тканевый чехол и повесила в чулан. Пусть ничего не напоминает об иллюзорном великолепии, которое было, промелькнуло и прошло. Иначе жизнь покажется слишком уж печальной штукой.

Так получилось, что даже возвращение Реджи не принесло мне радости, а уж его появление в лавке сладостей на второй день после бала – и подавно. Поведение моего друга детства в зимнем саду неприятно меня поразило, а когда Реджи заявился в лавку, я и вовсе разозлилась, и смогла разговаривать с ним более-менее вежливо далеко не сразу. Но он появлялся на моём пути с завидным упорством – то приходя в кондитерскую, то подкарауливая меня по дороге домой.

Вот и сегодня он пришёл с утра пораньше и смотрел просительно и грустно, как побитая собака.

– Прости меня, Бланш, – Реджинальд поставил локти на прилавок и склонил голову к плечу. – Меня можно обвинить только в том, что я обрадовался встрече с тобой и потерял голову.

– Совесть ты потерял, – сказала я, высыпая сахарную пудру в толчёные орехи.

– Зачем ты меня так обижаешь, – протянул он печально. – Я готов сделать что угодно, лишь ты простила. Хочешь, буду месить тесто?

– Очень смешно.

Господин Маффино пролетел мимо с подносом, на котором истекали ароматами рождественские пряники, и неодобрительно посмотрел на Реджинальда.

– Лучше бы ты ушёл, – сказала я, – мешаешь работать. Ещё пара таких визитов, и хозяин рассчитает меня.

– А я был бы этому очень рад, – заявил Реджи. – Если бы ты только согласилась, то не работала бы в этой паршивой лавке ни часа.

Господин Маффино снова промчался мимо, но теперь смотрел на меня, и взгляд у него был испуганный.

– Эта лавка – не паршивая, – сказала я спокойно, хотя меня так и подмывало высказать Реджи всё о его манерах. – Если ты пришел мешать мне, то лучше уходи.

Колокольчик на входе звякнул, и господин Маффино поспешил к дверям с услужливой улыбкой, но остановился и перестал улыбаться, когда увидел посетителя. Пришла Анна, и вид у неё был необычный – накидка застегнута косо, потому что моя сестренка умудрилась пере-

путать пуговицы, а из-под сбившегося капюшона выглядывала прядка с папилюткой, которую забыли снять.

– Привет, Анна! – помахал рукой Реджи. – Давно не виделись. А ты всё цветёшь, Гвоздичка!

Анна зарделась, когда он вспомнил её детское прозвище, но на приветствие не ответила и даже не поздоровалась с господином Маффино.

– Бланш, – позвала она робко, пытаясь высмотреть меня в полутьме лавки.

Я оставила марципан и вышла из-за прилавка, первым делом поправив на Анне сбившийся капюшон и перестегнув пуговицы. Она тихо поблагодарила.

– Что случилось? – спросила я. – Почему ты здесь?

– Мама просит тебя немедленно прийти домой, – сказала Анна тихо, оглядываясь на господина Маффино, который и не думал возвращаться к своим делам и беззастенчиво слушал.

– Что-то с мамой?! – встревожилась я.

– Надеюсь, леди Авердин в добром здравии? – встрял в наш разговор Реджи, чем привел меня в ещё большее беспокойство.

– Да отвечай же! – прикрикнула я на Анну, которая по непонятной причине не желала говорить прямо, а только мямлила что-то невнятное.

– Пойдем домой, Бланш, – повторила она деревянным голосом и опустила глаза. – С матушкой всё в порядке, но тебе надо прийти.

– Марципан! – завопил господин Маффино. – Ты не можешь меня оставить, Бланш!

– Я быстро, – заверила я его. – Марципан не успеет засохнуть. Я заверну его в полотенце и положу в котелок.

Что я и сделала – очень быстро, под причитания хозяина. Реджи тоже решил поучаствовать, изображая преданного друга семьи:

– Пойду с вами, девчонки. Вдруг понадобится моя помощь?

– Мы прекрасно справлялись без твоей помощи все эти годы, – отрезала я довольно невежливо. – Справимся и теперь.

Реджинальду осталось только развести руками, а я набросила на плечи накидку и вышла вслед за Анной, на ходу надевая капюшон и потуже затягивая тесёмки на груди.

– Что случилось? – спросила я снова, едва мы с Анной свернули с оживленных улиц к окраине, где было меньше прохожих.

– Ты не поверишь, Бланш! – Анна смотрела на меня блестящими, совершенно безумными глазами. – Сегодня пришёл посыльный от графа де Конмора...

Я остановилась, как вкопанная, и повторила, запинаясь:

– О-от графа?..

– Да! – Анна схватила меня под локоть и потащила дальше. – Граф прислал письмо – с поздравлениями и уверениями, и та-та-та, а в конце приписка, что он будет у нас завтра с визитом!

Я опять остановилась:

– З-завтра?.. С визитом?.. Но зачем?!

– А ты не понимаешь? Он хочет жениться на Констанце!

– Он написал об этом? – моё бедное сердце болезненно сжалось, и я даже не поняла, отчего это произошло – от разочарования или от страха за бедняжку Констанцу.

– Разумеется, не написал! Кто пишет об этом в письмах? – Анна начала терять терпение, и теперь выглядела вовсе не такой пряничной овечкой, как в лавке. – Ты идешь, Бланш?! Матушка собирает семейный совет, а ты еле плетешься!

Опомнившись, я ускорила шаг, и вскоре Анна захныкала, жалуясь, что совсем задыхается. Мы пошли медленнее, чтобы она смогла восстановить дыхание. Анна болтала о графском посыльном и о том, как Констанца рухнула в обморок, когда прочитали письмо, а я слушала

вполуха, размышляя о том, что предновогоднее волшебство все же коснулось крылом нашего дома. Вопрос в том, было ли волшебство добрым или больше смахивало на чёрное колдовство.

Возле нашего дома толпись соседи. Госпожа Сплеторе стояла на придорожном камне, на котором полагалось отдыхать нищим и путникам, и что-то увлеченно рассказывала. Её слушали, разинув рты.

– Что это? – спросила я растерянно.

– Добрые соседи пришли поддержать нас, – сказала Анна с досадой. – Не разговаривай ни с кем. Каждое твоё слово они тут же разнесут по всему городу.

Она потащила меня к калитке, расталкивая всех локтями. Это было невежливо, но я тут же поняла причину подобного поведения. Соседи мигом позабыли о госпоже Сплеторе и кинулись к нам, устроив такую давку, что чуть не затоптали. Видимо, они уже поняли, что расспрашивать Анну бессмысленно, поэтому напустились на меня.

– Он хочет жениться на Констанце? Правда, Бланш? – возбужденно кричала мне в лицо наша ближайшая соседка – госпожа Исидора, торговка зеленью.

– Он просит приданое или сам обещает заплатить? – наседала с другой стороны жена сапожника.

– А когда свадьба?! – кричали через их головы задние ряды.

Мы с Анной еле пробились сквозь толпу, занырнули в калитку, которую нам услужливо открыли изнутри, и тут же привалились к доскам, пытаясь закрыть засов, потому что добрые соседи так и напирали, пытаясь пройти за нами во двор.

– Я ждала вас, – сказала матушка, целуя меня и Анну по очереди, – иначе они бы не только во двор пролезли, но и в дом. Идемте! Констанце совсем плохо!

Констанца лежала на диване в гостиной и стонала. На лоб ей положили смоченную в холодной воде ткань, но, судя по всему, сестре это ничуть не помогало. Она стонала и металась из стороны в сторону, заливаясь слезами.

– Не хочу!.. Не хочу!.. – всхлипывала она. – Я лучше умру!..

– За лекарем послали? – спросила я, взяв Констанцу за руку.

Рука была горячей.

– Нет, не послали, – ответила матушка, добавляя снега из ведерка в таз с водой, в котором лежали еще две свернутые вдвое полоски толстой ткани. – Разве её можно показать кому-то в таком виде?

– Это ты, Бланш? – позвала Констанца слабым голосом, не открывая глаз.

– Это я, сестрёнка, – я сжала руку Констанцы, чтобы подбодрить. – Чего это ты раскисла? Первая красавица Ренна не должна плакать.

– Не хочу за это чудовище, – губы у Констанцы запрыгали. – Он чудовище! Чудовище! Ах, зачем я только взяла проклятую булавку?!

– Не надо так переживать, дорогая, – матушка поменяла компресс на лбу Констанцы. – Король выделяет графа, а его величество не может приблизить к себе чудовище. Ты же видела милорда де Конмора на балу – он вежливый и обходительный.

– Он старый!! – Констанца замолотила ногами по обивке дивана.

– Ему всего-то чуть больше тридцати. И он очень богат, не забывай об этом.

– Богат! – Констанца разразилась слезами. – Кому какое дело до его богатств! Он колдун или убийца! Все его жёны умирают! Я не хочу умирать! Не хочу-у!

Матушка всплеснула руками и посмотрела на меня, прося помощи.

– Так он тебя замуж и не звал, – сказала я спокойно, и истерика Констанцы испарилась как по волшебству.

Сестра приподнялась на диванчике, и тряпка-компресс свалилась ей на грудь. Я убрала тряпку, а матушка поднесла полотенце, но Констанца только отмахнулась.

– Граф прислал письмо, – сказала она, глядя на меня во все глаза.

– И что? Разве он в нём просил твоей руки?

– Но он сказал, что приедет завтра с визитом...

– И что? – я встала и задёрнула шторы, потому что из-за забора в окно заглядывали настырные мальчишки. – Пусть приезжает, если ему хочется. Мне кажется, он поступил благородно, предупредив, что хочет к нам заехать. Хотя бы я успею начистить подсвечники – они все в нагаре.

– И ковры надо почистить снегом – деловито вмешалась матушка. – Анна, а ты отполируй дверную ручку, она совсем потускнела.

– Да, мама, – сказала Анна, хлопая ресницами.

Что касается Констанцы, она смотрела на нас с таким изумлением, будто мы все разом сошли с ума.

– Конечно же, граф де Конмор хочет жениться на мне, – сказала она, – он признал меня первой красавицей и приезжает завтра.

– По-моему, мы слишком торопимся, решив всё за графа, – сказала я. – Никто не знает, зачем он едет к нам.

– Но, Бланш... – начала Констанца.

– Она правильно говорит, – поддержала меня матушка. – Лучше бы тебе успокоиться, Констанца. Своими воплями ты только даёшь повод для сплетен. В любом случае, я никогда не отдам тебя замуж против твоей воли, и ты это прекрасно знаешь.

В этом я немного сомневалась, но предпочла промолчать.

Констанца села на диванчике, расправляя юбку и хмуря золотистые брови:

– Но все говорят, что он решил жениться на мне... – сказала она неуверенно.

– Кто говорит? Леди Сплеторе? – матушка выжала тряпку и протёрла Констанце лицо. – Или леди Медоус? Две старые язвы – это не «все».

– Мама! Разве так говорят?! – воскликнула Анна, и мы покатались со смеху.

Даже Констанца засмеялась.

– Вот и хорошо, что все успокоились, – подытожила я. – Теперь приступайте к уборке, а я побежала обратно в лавку, иначе господин Маффино меня рассчитает. Подсвечники можете оставить мне.

Я послала сёстрам воздушный поцелуй, и матушка отправилась вместе со мной, чтобы запереть калитку после того, как я выйду на улицу.

Но едва мы переступили порог, и сёстры не могли нас слышать, матушка остановила меня:

– А теперь скажи, что думаешь на самом деле, Бланш.

Мы тут же отбросили показное спокойствие и взялись за руки, поддерживая друг друга. Губы у матушки задрожали совсем так же, как у Констанцы, и я поспешила обнять её, чтобы и в моих глазах она не увидела беспокойство.

– Всё очень странно, мама, – сказала я. – Но нам не стоит изводить себя раньше времени.

– Неужели он и правда приедет за Констанцой?

– Не такие уж мы ценные невесты.

– Он так богат, что может себе позволить любую прихоть.

– Учитывая, какой характер у Констанцы – он не знает, на что идёт, – пошутила я.

Матушка тихо рассмеялась:

– Ты всегда знаешь, как меня утешить.

Мы прошли по расчищенной в снегу дорожке до калитки, и ещё раз обнялись.

Матушка отсчитала мне в ладонь три медяка, подумала и добавила серебряную монетку:

– Купи свежего хлеба и масла. Сделаем к приходу графа тартинки – и красиво, и на стол не стыдно подать. Отправила бы Анну, да она купит вчерашнюю сдобу, а в масле совсем не разбирается...

– Всё будет хорошо, – пообещала я на прощание.

Но душа моя не была так спокойна, как я старалась показать. И пробившись через любопытных, осаждавших наш дом, я убежала в Кирпичный переулок, хотя это была самая длинная дорога до лавки сладостей. Требовалось подумать. Что бы там мы ни говорили, утешая Констанцу, я ни секунды не сомневалась, что граф решил заявиться в наш дом за очередной женой. Счастливый вдовец, прикупивший сладостей для какой-то кокетки... Что за игру он ведёт, и зачем ему моя сестра? Из-за красоты? Констанца – красавица, несомненно. Но вряд ли человек вроде графа де Конмора польстился бы на её красоту. В столице найдутся девушки и покрасивее. Может, он приехал в провинцию в надежде, что сюда не доберутся страшные слухи о нем? Тоже нет. В городке, вроде Ренна, все узнают обо всём за пару часов. Узнают, с удовольствием сплетничают и на ходу придумывают ещё кучу подробностей – одна другой страшнее.

Что же на уме у господина Синей Бороды?

И что из слухов о нем – правда, а что – выдумки?

Ах, этот человек казался мне средоточием тайн, и скучное житьё последних лет делала его по-особенному привлекательным в моих глазах.

Но никакая привлекательность не стоила счастья моей родной сестры.

Если завтра милорду графу захочется стать мужем Констанцы, он должен будет рассказать всю правду о своих бывших женах, и если с ними (а вернее, с их смертью) что-то нечисто, то матушка никогда не согласится на брак.

Я кивала в такт своим мыслям, и всё казалось совершенно простым – это мы решаем, согласиться или нет. А графу де Конмору останется только принять наше решение.

Глава 7

К приезду графа де Конмора возле нашего дома собралось полгорода. Госпожа Сплеторе что-то рассказывала своим подругам, и даже сквозь стекла окон был слышен её противный высокий голос. Несколько раз она повторила имя Констанцы. Я стояла у окна спальни, глядя на улицу в щёлочку между шторами. Мы опустили занавеси, потому что стоило кому-нибудь из нас появиться в окне, как сбегались десятки зевак и таращились, только что не показывая пальцами.

– Бланш! – позвала меня матушка, и я поспешила спуститься.

В гостиной всё было вычищено и вымыто до блеска, и у меня до сих пор горели руки от едкого мыла, и ныла спина, потому что именно мне пришлось приводить в порядок дом к приезду знатного гостя. Зато подсвечники так и сверкали, словно были из настоящего серебра. Оглядев комнату, я осталась довольна результатом, но матушка не дала мне полюбоваться вдоволь.

– Твоей сестре опять плохо! Принеси из моей комнаты нюхательные соли!

Констанца полулежала на диване, прикладывая ко лбу руку и постанывая. Анна сидела рядышком в кресле, но никому и в голову не пришло отправить за нюхательными солями её.

Мне пришлось бежать наверх, отыскивать флаконы, а когда я спустилась, Констанца уже чинно сидела на диванчике, сложив руки на коленях. Рядом с ней примостилась Анна, улыбаясь нежно и скромно. Матушка стояла за ними – очень спокойная и строгая, а в кресле сидел граф де Конмор. При моем появлении он встал и поклонился, а я чуть не забыла поклониться в ответ.

– Нюхательная соль? – спросил граф, указывая на два флакона, которые я держала. – Вы нездоровы?

– Нет, благодарю за беспокойство, – ответила я резче, чем следовало. – Моё здоровье в полном порядке.

– Я попросила Бланш позаботиться об этом, – пояснила матушка и добавила многозначительно: – Кто знает, вдруг кому-то понадобится помощь.

– Весьма предусмотрительно, – сказал граф. – Но не будем долго тянуть. Вы прекрасно понимаете, для чего я прибыл сюда, поэтому...

Констанца пискнула, и граф посмотрел на неё.

– Продолжайте, милорд, – попросила его матушка, незаметно щипая Констанцу за шею. – Если честно, я понятия не имею, что могло привести столь важного господина в наш скромный дом.

– Я хочу жениться, – сказал граф де Конмор без обиняков. – Жениться на вашей дочери, леди Авердин.

Констанца повалилась на Анну без чувств.

Несколько минут мы хлопотали, пытаясь привести её в сознание. Нюхательные соли не помогли. Хотя воняли они так, что могли бы поднять и мёртвого, и я сильно подозревала, что моя сестрица просто изображает обморок. Матушка причитала, умоляя Констанцу прийти в себя, Анна испуганно повизгивала и всё время рассыпала соль из флакона, который я сунула ей в руку. Сама я массировала ладони Констанцы, как учил меня когда-то доктор, лечивший папу.

Граф остался в стороне от нашей суеты и не проявил никакого участия к несчастной Констанце, но когда ему надоело ждать, сказал, повысив голос:

– Пока вы помогаете леди Констанце, я прошу разрешения поговорить с леди Бланш наедине.

Матушка перестала причитать, Анна уронила флакон на пол. Раздался жалобный звон стекла, и Констанца открыла глаза, уставившись на меня в немом изумленье.

– Вы хотите поговорить с Бланш? – спросила матушка, запинаясь на каждом слове.

Что касается меня, то моё сердце провалилось в пятки, и я не нашла сил даже оглянуться на графа.

– Вы против? – спросил наш грозный гость с преувеличенной вежливостью.

– Конечно же нет, можете поговорить с ней здесь, – сказала матушка, подхватывая моих старших сестер под руки и выпроваживая в прихожую. – Мы подождем снаружи.

Едва за ними закрылась дверь, как из прихожей послышались недовольные возгласы, стук и шорох. Мужской незнакомый голос перекрыл весь шум, а потом стало тихо.

– Что там происходит? – спросила я тревожно.

– Пепе у дверей, чтобы нас никто не подслушал, – сказал граф, вольготнее устраиваясь в кресле, и снизошёл до объяснений: – Пепе – мой слуга. Он очень предан мне, так что можем побеседовать спокойно. Прости, но я не верю, что твоя почтенная матушка и твои милые сёстры откажутся погреть ушки возле двери. Присядь, – великодушно предложил он, указывая на диванчик, на котором только что сидели мои сестры.

Я села, мельком подумав, что будь де Конмор хоть трижды граф, распоряжаться в нашем доме ему никто права не давал. А его мгновенный переход от учтивого «вы» при свидетелях и пренебрежительного «ты» наедине был и вовсе оскорбителен. Но недовольные мысли я до времени оставила при себе.

– Предлагаю тебе стать моей женой, Бланш.

Он сделал паузу, явно ожидая моего ответа, но я молчала, разглядывая кристаллики соли и осколки стекла, покрывающие ковер. Я столько трудилась, отчищая его снегом.

– Что-нибудь скажешь? – спросил граф, выждав пару минут, и продолжил будничным тоном: – Мы обвенчаемся в конце недели, у тебя будет время подготовиться. Если хочешь пышную церемонию – устроим публичное венчание, но я бы предпочел сделать всё при близких и паре свидетелей.

– В конце недели? Вы быстрый, – сказала я, уже не сдерживая злости. – Вы уверены, что я не откажу вам?

– Уверен.

– Откуда же такая уверенность, милорд? Вы считаете себя неотразимым?

Вместо ответа он поднялся из кресла и подошёл ко мне вплотную, так что наши колени почти соприкоснулись. Невольно я вжалась в спинку дивана, стараясь хоть так установить расстояние между нами. Граф усмехнулся, когда я подняла на него глаза, и перевел взгляд на мои губы.

– Целоваться я неплохо умею, – сказал он. – Ты ведь убедилась в этом.

Кровь бросилась мне в лицо, и я вцепилась в собственные колени, мечтая сбежать. Но граф преграждал мне путь, да и бежать было некуда. Куда можно сбежать из мышеловки, если рядом находится кот?

– Мне показалось, тебе понравились мои поцелуи. Разве нет? – он отошёл к окну, а я смогла перевести дыхание, и сразу же вскочила. – Не бойся, Бланш, – успокоил меня граф, – твоей чести ничто не угрожает. Дело не в поцелуях. Видишь ли, его величество дал мне карт-бланш на выбор невесты. У меня есть королевская грамота, заверенная печатью, остается только вписать имя невесты. И я решил, что впишу твоё.

– Моё?

– Да, – он упер левый кулак в бедро, откинув полу камзола.

На поясе висел тяжелый бархатный кошель с вышитой золотом монограммой. Демонстрация этого кошелька, пусть даже случайная, показалась мне оскорбительной, и я саркастически засмеялась:

– И правда, зачем красота и обходительность, если остается только вписать имя невесты в брачное разрешение! Но вы просчитались, граф. Невеста, как оказывается, умеет говорить

и предполагает, что её воля свободна. Поэтому если вы впишете имя Бланш Авердин, вам придется ехать к королю за новым разрешением.

- Ты мне отказываешь? – он поднял брови.
- Для вас это будет страшным ударом, но вы переживете.
- Ты удивительно милосердна.
- Церковь учит милосердию, милорд. Вы знали об этом?

Снаружи опять послышались голоса – матушка о чём-то спрашивала, а ей отвечал мужской голос.

- Пепе на страже, – сказал граф, кивая на дверь.
- Моя матушка тоже, – ответила я ледяным тоном.
- Что относительно моего предложения?
- Нет.
- Нет?
- Нет.

– Есть хотя бы какие-то причины? – казалось, мой отказ прошел мимо его слуха.

Он уже решил всё за меня, и теперь забавлялся, наблюдая, как я пытаюсь изобразить леди, обладающую свободной волей.

– Вы производите впечатление разумного человека, – сказала я, сцепив руки за спиной, чтобы не было видно, как дрожат пальцы.

- Таким и являюсь, – сказал граф.
- Тогда должны понимать, что я не могу принять ваше предложение.
- Почему же?
- Потому что мои старшие сёстры ещё не замужем.
- Тебя останавливает только это?
- Не только, – ответила я после секундного колебания. – Но это одна из причин отказа.
- Что скажешь, если в воскресенье, за час до нашего венчания, твои сестры будут выданы замуж, и за каждой я дам приданое в шестьдесят золотых?

Шестьдесят! У меня потемнело в глазах – о такой удаче наша семья и мечтать не могла!

– Шестьдесят золотых приданого, да ещё дом за городом, – продолжал искушать граф. – Например, тот самый, в котором вы жили детьми.

Вернуть отцовский дом! Как много это будет значить для мамы...

– Вы хотите меня купить? – спросила я.

– Хочу, – признал он. – А почему – это уже второй вопрос.

– Это мой вопрос, – перебила я его. – Почему вы выбрали именно меня? В этом городе много девушек, которые подойдут вам гораздо больше. Леди Алария открыто выказала вам симпатию.

– Леди Алария... – повторил он и еле заметно поморщился, словно я сказала что-то неприятное.

– И даже моя старшая сестра – она красивее, чем я, вы выделили её на балу. Все уверены, что вы приехали в наш дом просить именно её руки.

- Ты бы хотела мне в жены свою сестру? – спросил он.
- Нет! – помимо воли ответила я.
- Так в чем же дело? Я выбрал вовсе не её, а тебя.
- Я требую объяснений.

– И не сомневался, что ты их потребуешь. Поэтому выслушай меня очень внимательно, а потом дай ответ. Присядь, так будет удобнее.

Он положил руку мне на плечо, принуждая сестру, и я послушно опустила обратно на диван. Что он сейчас поведает мне? Что влюбился с первого взгляда? Разве такое бывает?

– Ты мне подходишь, Бланш. Ты умна, рассудительна, знакома с трудностями, но никогда не унывала. Я убедился, что ты умеешь хранить секреты, что ты умеешь владеть своими чувствами...

– Можно подумать, вы следили за мной от колыбели, – сказала я.

– Я хорошо разбираюсь в людях, – заверил он очень уверенно. – И порасспросил о тебе и твоей семье. А ещё видел, что ты даже не переменилась в лице, когда я назвал твою сестру королевой бала.

– Значит, вы меня проверяли? – только теперь я поняла причину его поведения.

Он кивнул.

– Жестокая проверка.

– Я возьму все твои душевные волнения после женитьбы.

– Поцелуями? Благодарю, но мне это не подходит.

– Не волнуйся, – он посмотрел на меня с мягкой насмешкой. – Я обещаю тебе нечто другое, что очень тебя заинтересует. Брак между нами будет только для вида. Никаких поцелуев и супружеских отношений. Через год мы разведемся, и ты получишь золотых монет в два раза больше, чем твои сестры.

– Разведемся через год? Но зачем вам брак на год?!

– Потому что так хочет моя невеста.

Мне понадобилось время, чтобы осмыслить услышанное.

Год ложного брака с де Конмором по желанию его невесты, а потом развод – и огромные деньги в моем распоряжении? Это походило на горячечный бред.

– Понимаю твоё удивление, – сказал де Конмор, – и сейчас всё объясню. Не вижу смысла скрывать правду и надеюсь, что ты сохранишь мои секреты.

Я смотрела на него, гадая, не сошел ли граф с ума, а он продолжал:

– Моя невеста – Милисент ле Анж – милая, славная девушка, но очень суеверна. А о нашей семье ходят довольно страшные истории, и одна из них – о проклятье жён де Конморов. Якобы, наши жены умирают в течение года после свадьбы. И вот Милисент вбила себе в голову, что проклятье действует, и боится умереть. Я пытался её убедить, что почти все жёны де Конморов умирали своей смертью и не в течение года после венчания, а гораздо позже, но она не верит и настаивает, чтобы я женился на какой-нибудь другой девушке на год. Милли хочет убедиться, что ей ничего не угрожает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.